3 марта

Конференц-зал каф. Э4
МГТУ им. Н. Э. Баумана
Лефортовская набережная, дом1, 3 этаж справа, дверь номер 312, по коридору до конца.

Просим соблюдать масочный режим и безопасную дистанцию

МВТУ
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КЛУБ

ГЛАВА, ПОСВЯЩЕННАЯ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ПЕРВОМУ, ИЗ КНИГИ «СЕМЕЙНЫЕ ДРАМЫ РОССИЙСКИХ МОНАРХОВ» НАШЕГО СЕГОДНЯШНЕГО ГОСТЯ АЛЕКСАНДРА АЗИЗОВИЧА МУЗАФАРОВА

Первый император и его «непотребный сын».

Нет в русской истории государя, чей образ не был столь широко известен широкой публике как Петр Первый. Разве что Иван Грозный может сравниться с ним по уровню известности, но… Но именем Грозного не назван город, его не рассматривают как пример для подражания, да и не одного памятника Ивану Васильевичу в России вы не найдете. Даже на знаменитом монументе «тысячелетие России» не нашлось места первому царю, что, впрочем, неудивительно, если вспомнить, что памятник стоит в Новгороде Великом.

Памятников же Петру Великому в России – великое же множество и самый знаменитый – второй по величине город страны, северная столица России – Санкт-Петербург.

Сам образ Петра Алексеевича настолько оброс мифами и легендами, что реальный человек, реальный правитель еле различим под этим туманом. Образ порой настолько утрачивает связь с реальным государем, что ведет в мифе себя так, как настоящий Петр никогда бы не поступил…

Миф о Петре начал творить еще сам Петр, которого по справедливости надо было бы назвать не плотником, а пиарщиком на троне, столь много сей государь уделял внимание своему образу в глазах современников и потомков. Впоследствии образ Петра- Титана, царя преобразователя, «Россию пробудившего ото сна», стал частью наиболее официозной российской истории, в стране, сложился своеобразный культ Петра Великого. При этом, если в Российской империи наряду с апологетической существовала и критическая традиция в отношении к первому императору, то в советское время апологетика была возведена в абсолют, а исследований пытавшихся оценить деятельность Петра под критическим или хотя бы объективным углом, практически не появлялось.

Важную часть петровского мифа составляет история об убийстве государем собственного сына. В популярных книгах и фильмах излагается красивая и на первый взгляд, логичная версия, полностью оправдывающая сыноубийцу и не рассматривающая подробно ни причины событий, ни их последствий. Если вкратце, то суть ее такова – Наследник царя Алексей Петрович был человеком ленивым, трусливым и к делам государственным непригодным. Он полностью зависел от своего окружения, которое, в свою очередь, состояло сплошь из ретроградов и противников преобразований. В случае прихода царевича к власти он собирался отменить большинство реформ отца, пересмотреть итоги Северной войны в пользу Швеции и т.д. Когда царь возмутился подобным поведением сына, тот бежал за границу, где пытался найти вооруженную силу для захвата престола. Иноземные державы были готовы его поддержать (небескорыстно, конечно), но удалые петровские дипломаты сорвали их планы. По возвращении в Россию, царевич не оставил своих козней, скрыл от отца свои планы, но опять же был изобличен, единогласно приговорен судом к смерти, и по тайному приказу был тайно убит в Петропавловской крепости…. Царь-титан с корнем вырвал змею из сердца, преступил через родительскую любовь, пожертвовал своим сыном, но тем самым спас отечество от деградации и развала. Сюжет приобретает черты античной драмы, Петр беспристрастно смотрит на судилище над сыном, как первый консул римской республики Луций Юний Брут смотрел на казнь своих сыновей, изобличенных в заговоре.

Так или примерно так, представляют себе дело царевича Алексея большинство наших сограждан, интересующихся историей. Эта легенда с теми или иными деталями ходит по

страницам книг и фильмов. Но так ли все было на самом деле? Внимательное изучение этой истории позволит нам увидеть на царя Петра Алексеевича реального, а не мифического персонажа, что, в свою очередь, поможет лучше понять и деятельность самого преобразователя, и эпоху, в которой он жил.

Мало кто из исследователей подвергал сомнению справедливость осуждения царского сына и еще меньшее число указывали на прискорбные последствия этого факта. Историки царского времени не могли выделить эти аспекты, потому что, в противном случае ставилась под сомнение легитимность правящей ветви рода Романовых, а историки советского времени были, как говорит французская поговорка: Etre plus royaliste que le roi[*] и не только безусловно оправдывали жестокое деяние Петра Великого, но и видели в нем пример для подражания. Лишь в последнее время стали появляться исследования, которые рассматривают этот конфликт отца и сына более взвешенно, а главное – обращают внимания на трагические последствия этого события для российской монархии и России. Впрочем, добросовестность историков, даже тех, кто безусловно оправдывал деяние Петра, снабдила нас множеством достоверной информации, тщательно выверенных фактов, которые позволяют составить свое мнение о произошедшем[†].

В этой истории тесно переплелись семейные, политические и династические сюжеты, и для того, чтобы разобраться в ней, нам придется углубиться в прошлое и для начала ответить на вопрос – как родившийся в 1672 году шестой и последний сын царя Алексея Михайловича оказался на русском престоле.

Казалось, он не имел никаких шансов его занять. К моменту смерти отца шестилетний Петр был лишь третьим в очереди престолонаследия. Однако, о его правах на престол заговорили уже тогда. Причина заключалась в том, что в русском государстве даже в конце XVII века отсутствовало законодательство о престолонаследии! Рассмотрим историю вопроса. Со времен Ярослава Мудрого на Руси утвердилась так называемая «лествичная система», согласно которой власть передавалась от брата старшего к брату младшему, а потом от детей старшего брата к детям среднего. Сыновья братьев, не дождавшихся великого стола, из лестницы наследования исключались. Первоначально порядок подразумевал постоянную ротацию князей в их уделах в зависимости от положения в лестнице, но со времен Владимира Мономаха возобладал принцип «каждый, да держит отчину свою» и передаваться стал только киевский престол. В удельных княжествах эпохи феодальной раздробленности существовали свои маленькие лестницы.

Отход от лествичного порядка произошел, когда московские князья (сыновья Даниила Александровича), формально не имевшие прав на престол Великого княжества Владимирского, получили его благодаря милости хана Узбека. Попытки других князей отобрать у москвичей первенство в Залеских землях натыкались на волю ханов Золотой Орды, а потом и на возросшую военную мощь московского княжества.

---

[*] Большим роялистом чем король (франц.)

[†] Читатель часто требует от историка «объективности», но на самом деле это требование невозможного. Историк – человек, и ничего человеческое не является ему чуждым. Он изучает деяния людей прошлого и не может оставаться равнодушным к их поступкам, мыслям, стремлениям. Исследуемые персонажи невольно вызывают у него симпатию или антипатию. Но историк может и должен быть добросовестным исследователем, т.е. собирать и доносить до читателя исторические факты не только приятные ему, но и все известные, в том числе и те, которые негативно характеризуют любимых им героев. Примером такого добросовестного подхода является исследование Н.И. Павленко «Царевич Алексей», увидевшее свет в 2008 году в серии ЖЗЛ. Хотя сам автор и не скрывает своего негативного отношения к царевичу и восторженного по отношению к его отцу, но это не мешает ему опубликовать множество фактов, позволяющих вдумчивому читателю прийти к прямо противоположным выводам.

При этом, в самой московской княжеской семье вопрос о престолонаследии на протяжении долгого времени не вставал – престол передавался и от отца к сыну и от брата к брату, но всегда наследник был один:

Даниил Александрович оставляет свой стол старшему сыну Юрию, после смерти в Орде бездетного Юрия Даниловича, ему наследует брат Иван Данилович (Калита), который передает престол своему сыну Симеону гордому. Симеон оставляет престол брату Ивану Красному (дети Симеона умерли от чумы), тот – своему сыну Дмитрию Ивановичу (Донскому), последний своему сыну - Василию Дмитриевичу. Т.е. московский стол передавался как от отца к сыну, так и от брата к брату.

Важным условием передачи власти была духовная грамота великого князя, в которой называлось имя наследника. Отсутствие установленного порядка наследования не могло ни привести к смуте, что и произошло в 1425 году. Тогда претензии на московский стол предъявили сразу два князя – Василий II (старший сын Василия Дмитриевича) и его дядя, Юрий Дмитриевич. Первый апеллировал к духовной грамоте своего отца, а второй – к духовной грамоте Дмитрия Донского, где он был упомянут в качестве наследника вслед за Василием Дмитриевичем. Итогом стал многолетний конфликт, вылившийся в гражданскую войну между двумя линиями потомков Дмитрия Донского, продолжавшуюся с перерывами вплоть до 1455 года.

Следующая династическая коллизия возникла во времена правления Ивана III, который был вынужден решать, кому оставить престол – старшему внуку, или своему второму сыну. Сначала Государь сделал выбор в пользу первого, а потом – в пользу второго.

Следующий раз «династическая бомба» сработала после смерти царя Федора Иоанновича – последнего из рода потомков Калиты. Положение осложнялось тем, что царь не оставил духовной грамоты и не назвал наследника. Если руководствоваться нормами обычного, гражданского права, действовавшими в России в тот момент, то престол должен был бы быть переданным старшему представителю рода Романовых – ближайших кровных родственников почившего государя. Однако, царский шурин Борис Годунов организовал собственное избрание на царство, прибегнув к помощи сословно-представительного органа – Земского собора (в чью компетенцию изначально вопросы о выборе династии не входили). Итогом этого стало «Смутное время» - семилетняя гражданская война, осложненная внешней интервенцией. В 1613 году Земской собор избрал на русский престол Михаила Романова, именно как ближайшего родственника пресекшейся династии.

Удивительно, но даже после этого никакого закона о престолонаследии принято не было. Даже в основном законодательном акте страны – Соборном уложении 1649 года о принципах передачи высшей власти нет ни слова. То ли Алексей Михайлович и его помощники не предали этому вопросу значение, то ли намеренно его избегали. Дело в том, что подобно своему отцу, Алексей Михайлович был утвержден на троне специально для того созванным Земским собором. Возможно, что государь хотел изменить этот порядок. В 1674 году официальной царской грамотой наследником престола был провозглашен старший из оставшихся в живых в тот момент сыновей царя – царевич Федор Алексеевич. Примечательно, что большой поклонник земских соборов (в годы его правления они собирались особенно часто) Алексей Михайлович полностью проигнорировал этот институт в вопросе о наследстве, назначив наследника своей державною волей. Поговаривали, что один из ближайших сотрудников царя боярин Артамон Матвеев предлагал изменить завещание в пользу младшего сына, но не преуспел в этом. Образованный и умный царь Федор Алексеевич, чье недолгое, но насыщенное событиями царствование слабо известно нашим соотечественникам, умер, не оставив завещания, чем спровоцировал новый династический кризис. Почему он так поступил?

Ведь государь не мог не понимать, в какое положение он ставит страну. И если его державный тезка, последний из Рюриковичей Федор Иоаннович мог испытывать затруднения в чью пользу составить завещание, то для Федора Алексеевича все было довольно просто – престол надлежало завещать следующему по возрасту брату – Ивану, или если обстоятельства не позволяли последнему занять трон (об этом подробнее чуть ниже), то следующему брату – Петру. Возможно, что царь надеялся на выздоровление, и на то, что его второй брак окажется не бесплодным. В этом случае объявление наследником брата могло породить ненужные трудности. Но в итоге, все получилось еще хуже – Федор Алексеевич скончался, не назвав преемника.

В условиях отсутствия завещания и законодательства о престолонаследии, царем должен был бы быть провозглашен следующий сын Алексея Михайловича царевич Иван Алексеевич. Но и боярская дума, и Патриарх, и наскоро опрошенные ими земские представители выдвинули кандидатуру самого младшего брата покойного государя – царевича Петра. Почему же был обойден старший брат?

Царь Иван V Алексеевич – одна из загадочных фигур русской истории. Не только интересующиеся прошлым обыватели, но и профессиональные историки могут сказать о нем очень немного. Мы знаем, что он не отличался крепким здоровьем (что, впрочем, не помешало ему прожить дольше других сыновей Тишайшего от первого брака и иметь пятерых дочерей), и что он никогда не участвовал в политической деятельности. Хотя на его недолгое правление пришлось несколько политических кризисов, он ни разу никак не проявил себя, не выразил свою волю. Но, с другой стороны, не выражая ее сам, он не допускал, чтобы кто-то действовал от его имени. Марионеткой в руках родственников Иван Алексеевич не был, хотя партия Милославских крайне нуждалась в этом. Что стоит за этим – душевная болезнь, «малоумие» или сознательный отказ от власти? Неизвестно. Вокруг фигуры этого царя сложился своеобразный заговор молчания – и современники, и историки сообщают о нем весьма мало сведений. Для нас важно отметить следующее – официально Иван Алексеевич не был признан недееспособным до самой своей смерти. Петр всегда подчеркивал свое уважение к старшему брату, а после его смерти неизменно дружелюбно и благожелательно относился к его вдове и дочерям.

Казалось бы, вопрос был решен, и десятилетний Петр стал русским царем, но в столице нашлись несогласные с таким решением.

Обычай русских царей женится на дочерях своих подданных, обладал серьезным недостатком – родня царицы получала значительные преимущества при дворе государя и значительно усиливала свое политическое влияние. Осложняло ситуацию то, что Алексей Михайлович был женат дважды. При этом, обе его супруги были креатурами крупных политических деятелей разных периодов его царствования. Избрание Петра было результатом соглашения между двумя придворными группировками – Нарышкиными и ближайшим окружением Федора Алексеевича, в руках которого были наиболее значимые государственные посты. При этом, интересы родственников царя по его первому браку - Милославких были принесены в жертву, что не устроило последних.

Взбунтовав столичный гарнизон, они добились изменения ситуации в свою пользу. Боярская дума приняла уникальное решение – в дополнение к Петру был коронован и его старший брат Иван Алексеевич, а регентская власть была вручена умной и решительной дочери Алексея Михайловича царевне Софье.

Использование в политической борьбе такого «инструмента» как стрелецкий бунт дорого обошлось государству. В отличие от характерных для XVIII века гвардейских выступлений, хорошо организованных и управляемых, выступления стрельцов носили характер русского бунта, бессмысленного и беспощадного. Восстание 1682 года привело к практически полному физическому истреблению советников и приближенных Федора Алексеевича. От рук стрельцов погибли видный воевода князь. Г.Г. Ромодановский,

начальник стрелецкого приказа князь Долгоруков, ближайший советник покойного государя боярин И.М. Языков, думный дьяк Ларион Иванов, стольник Ф.П. Салтыков и многие другие… Досталось и Нарышкиным – был убит фактический глава этой партии, видный дипломат и политик А.С. Матвеев, братья царицы Иван и Афанасий Нарышкины, другие сторонники этой фамилии были отправлены в ссылку.

Естественно, что Нарышкины не смирились с поражением и жаждали реванша. Хотя эта партия и была серьезно ослаблена, она все же сохраняла шансы на успех в политической борьбе. Правительство Софьи носило временный характер – по достижение царями-братьями совершеннолетия исчезали юридические основания для Регентства. Единственным шансом правительницы было добиться таких успехов во внутренней и внешней политике страны, которые бы подняли бы его авторитет на изрядную высоту. От Софьи Алексеевны требовалось стать Екатериной Великой. Но такая ноша ей оказалась не под силу. Положение правительства усугублялось тем, что «В результате событий 15 – 17 мая 1682 года восставшими стрельцами были убиты ведущие думные и придворные деятели, с которыми было связано проведение реформ конца 70-х – начала 80-х гг.»[1]. Единственный уцелевший «министр» правительства Федора Алексеевича Василий Васильевич Голицын возглавил правительство, но «один в поле не воин».

К концу 80-х годов политическая ситуация в стране изменилась в благоприятную для Нарышкиных сторону – правительство увязло в войне с Крымским ханством, в которой не смогло добиться успеха. Прекрасный дипломат, один из умнейших государственных деятелей России конца XVII столетия князь Василий Васильевич Голицын не сумел достойно проявить себя на военном поприще, война с Крымом затянулась, население роптало, и оппоненты правительства решили использовать свой шанс.

Сведения о политической борьбе в верхах русского государства в конце XVII века приведены на этих страницах не просто так. Дело в том, что первый брак Петра Алексеевича, в котором и родился царевич Алексей, был составной частью именно этого политического процесса.

Нарышкиным нужно были лишить Софью законных оснований для регентства, а для этого необходимо было показать всему обществу, что младший государь достиг совершеннолетия, и наиболее простым способом это сделать была женитьба молодого царя. Историки обычно описывают это событие как малозначимое, уделяя ему совсем немного внимания. Даже скрупулезный М.М. Богослословский, в своих пятитомных «Материалах для биографии Петра I» ограничился лишь одним абзацем:

«27 января 1689 года царица Наталья Кирилловна на семнадцатом году женила сына на дочери окольничего Федора Абрамовича Лопухина Евдокии. Свадьба была сыграна скромно. Венчался Петр в маленькой дворцовой церкви Апостолов Петра и Павла, построенной в 1684 году. Таинство совершил его духовник протопоп Меркурий. К красавице жене Петр не почувствовал никакой склонности»[2].

Между тем, со свадьбой Петра Алексеевича связано несколько необычных обстоятельств, оказавших влияние и на его последующую семейную жизнь, и на отношения с сыном. Именно тогда, в холодные январские дни 1689 года завязался первый узелок этой истории.

Какие же это обстоятельства?

Во-первых, выбор невесты проходил без малейшего участия жениха. На этот факт историки не обращают внимания, а если и обращают, то ограничиваются ремаркой – так в те времена было принято. Между тем, вопреки популярной песне о невозможности для государя жениться по любви, все предшествующие русские цари сами выбирали себе спутниц жизни.

По любви женился первый царь, Иван Грозный. Примечательно, что даже он при своем деспотическом характере не ограничивал сыновей в выборе невест. Далеко не

всегда царь был доволен этим выбором, так старшего сына он дважды заставлял разводиться, а ссора из-за третей супруги наследника по одной из версий закончилась убийством царевича Ивана. Требовал царь развода и от царевича Федора, указывая на бесплодие его супруги – Ирины Годуновой. Но Федор Иоаннович в споре с отцом проявил достойную твердость и категорически отказался разрывать отношения с любимой женой. Царь в гневе побил подвернувшегося под руку Бориса Годунова и… смирился с волей сына[3].

Дед Петра - первый государь из династии Романовых Михаил Федорович в 1616 году возжелал жениться на Марии Хлоповой – дочери худородного дворянина. Царский выбор пришелся не по нраву родственникам, и они расстроили свадьбу, объявив царскую невесту опасно больной. Царь вынужден был подчиниться, но через несколько лет учинил розыск и строго покарал людей, помешавших его личному счастью[4].

Второй раз государь сыграл свадьбу в сентябре 1624 года, выбрав себе в жены княжну Марью Владимировну Долгорукову. Этот союз оказался не долгим – 7 января 1625 года молодая царица умерла. «Год прошел как сон пустой – царь женился на другой» - 5 февраля 1626 года Михаил Федорович женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой[5].

Отец Петра, «тишаший» государь Алексей Михайлович был женат дважды. История его первого брака чем-то напоминает историю его отца. О намерении царя жениться была объявлено в 1647 году, по обычаю государю были представлены несколько девушек, сочтенных боярской думой достойными стать царицей. Алексею приглянулась Афимья Всеволожская, по свидетельству современников - «красавица необыкновенная». Но она не устраивала тогдашнего главу правительства боярина Морозова и накануне свадьбы… неожиданно упала в обморок, что было сочтено свидетельством слабого здоровья. Свадьба не состоялась. Все тот же Морозов познакомил государя с дочерьми боярина Милославского, старшая из которых, Мария Ильинична, приглянулась Алексею Михайловичу, и он женился на ней[6]. В этом браке государь счастливо прожил 21 год, однако, частые роды подорвали здоровье царицы, и 4 марта 1669 года она скончалась, оставив мужу двух сыновей и 6 дочерей. Уже осенью государь объявил о своем намерении жениться и в Кремле начались смотры красавиц. Впрочем, скорее всего, это было просто соблюдением старинного обычая – свой выбор Алексей Михайлович уже сделал. Ему приглянулась молодая воспитанница боярина Артамона Матвеева Наталия Нарышкина. Женитьба государя по любви на бедной девушке из незнатного боярского рода произвело заметное впечатление на русское общество и отразилось не только появлении нескольких версий этого романа, сохраненных традицией, но даже в народных песнях[7].

Старший брат и предшественник Петра на престоле царь Федор Алексеевич также был женат дважды, и оба раза сам выбирал себе невесту. Первый раз это была Агафья Симеоновна Грушевская, скончавшаяся от родов в 1680 году, а второй раз – Марфа Матвеевна Апраксина, на которой царь женился уже будучи смертельно больным[8]. Конечно, обеих невест знающие люди связывали с некоторыми группировками в окружении государя, но сам факт личного выбора несомненен.

Подведем краткий итог сделанному нами небольшому историческому экскурсу. Как мы видим, брак царя почти всегда был вопросом не только личным, но и политическим, и поэтому придворные группировки не могли оставаться в стороне от вопроса выбора царской невесты. Но при всем при этом последнее слово всегда оставалось за самим царем. В крайнем случае, придворные могли помешать государю жениться на выбранной им девушке, но навязать царю кого-то помимо его воли – такого еще не было.

Почему же Наталия Кирилловна Нарышкина пошла на такой шаг, и, не интересуясь мнением сына, сама выбрала ему невесту? Прямого ответа на этот вопрос нет, но мы можем сделать предположение, обратив внимание на следующую особенность жизни

молодого Петра, которую отмечают многие его биографы. Молодой царь был практически полностью равнодушен к прекрасному полу. Военная и морская потеха, фейерверки, пирушки и попойки – вот круг его интересов. Связи с женщинами в этот период возникают почти исключительно под чужим влиянием и брак тут не исключение. С дочерью немецкого виноторговца Анной Монс царя свел Лефорт (имея ввиду усилить свое личное и немецкой партии в целом влияние), с будущей второй супругой – «лифляндской портомоей» Мартой Скавронской – Меншиков (тоже с целью упрочнить свое влияние на царя). Это под конец жизни, в 20-е годы XVIII века число женщин в жизни Петра значительно увеличится, а в молодости они государя не слишком интересовали.

Подчеркнем, речь не идет о каких-то психических или более того физических пороках царя, а лишь об особенности характера. Примечательно, что противник Петра на полях сражений Северной войны шведский король Карл XII также с молодых лет избегал женщин, и к моменту своей гибели так и не женился. Семейная жизнь не привлекала молодого Петра и если бы ему предоставили возможность выбора невесты, то он бы, скорее всего, использовал бы ее чтобы … никого не выбрать, и затянув, таким образом, дело, снять вопрос о свадьбе вообще. Однако, царский брак был необходимым Нарышкиным по политическим соображениям, и мать государя взяла решение вопроса о выборе невесты на себя.

Вторая загадка, связанная с первым браком Петра является кандидатура его невесты. Казалось бы, Нарышкины были заинтересованы максимально использовать женитьбу молодого царя в политических целях. Помимо наглядного подтверждения царского совершеннолетия брачный союз мог бы скрепить союз политический с каким-нибудь влиятельным боярским родом. Лопухины же заметным влияниям в политике или вооруженных силах не пользовались. Достаточно сказать, что место в боярской думе они получили только после того, как Евдокия стала царицей. В политическом плане Нарышкины ничего не приобрели от этого союза.

При этом, породниться с царским родом почла бы за честь любая боярская семья в русском государстве. Почему мать Петра остановила своей выбор на Евдокии Лопухиной? Автор «Гистории о царе Петре Алексеевиче», очевидец событий князь Б.И. Куракин пишет – «И к тому выбору многие были из знатных персон привожены девицы, а особливо – княжна Трубецкая, которой свойственник был князь Борис Алексеевич Голицын, и старался всячески, чтобы на оной женить»[9].

По мнению мемуариста, выбор в пользу «худородной» Лопухиной был обусловлен тем, что «Партия Нарышкиных и Тихон Стрешнев опасалися, что через тот марьяж оный князь Голицын с Трубецкими и другими своими свойственниками великих фамилий возьмут повоир и всех других затеснят»[10].

Итак, все объясняется довольно просто – худородные Нарышкины, не имевшие среди своего узкого круга сколько-нибудь выдающихся деятелей, боялись, что Петр, может попасть под влияние родовитой родни со стороны жены. Вот и нашли ему невесту среди столь же незнатных и невлиятельных Лопухиных.

Впрочем, есть и еще важное обстоятельство, которое могло сыграть свою роль. Как уже упоминалось выше, большинство историков связывают первый брак Петра Алексеевича с политической борьбой за власть, среди российской элиты. Однако, есть и другое мнение. Его высказал знаменитый русский историк Николай Костомаров, который полагал, что у Наталии Кирилловны, политических соображений, было желание воздействовать на характер и стиль жизни сына, который вызывал все большее опасения у матери. В самом деле, как воспитатель вторая супруга тишайшего государя оказалась не на высоте. Петр рос, фактически предоставленный самому себе. Рано закончив обучение, он выглядел почти полным невеждой в сравнении со своим старшим братом Федором или

сестрой Софьей. Природная любознательность и живость не могли компенсировать отсутствие серьезной воспитательной работы. К 16 годам, царь целиком отдался военным и корабельным увлечениям и не проявлял ни малейшего интереса к ожесточенной политической борьбе, в которой решалась участь его престола. Без сомнения, не будь вокруг него преданных родственников и умных сторонников вроде князя Бориса Алексеевича Голицына никакой угрозы для Софьи он бы не представлял.

Вот царица и прибегла к такому средству воздействия как женитьба, чтобы остепенить сына. Важно отметить, что вопреки русским тогдашним обычаям жена была старше Петра на два года. Видимо мать выбирала сыну невесту не только по политическим соображениям, но и намеревалась сделать из нее послушное орудие влияния.

Несмотря на эти сложности, поначалу семейная жизнь Петра выглядела удавшейся. Князь Куракин отмечает, что в первый год после женитьбы «любовь между супругами была изрядная». Плодом этой любви и стал царевич Алексей.

Он родился 16 февраля 1690 года, уже после успешного переворота в пользу Нарышкиных и отмены регентства. Рождение сына – наследника значительно укрепляло политические позиции Петра и его сторонников – у его старшего брата наследника мужского пола не было.

Не случайно и имя, выбранное царем для сына. Как известно, Петр всегда с величайшим почтением и глубоким уважением относился к памяти своего отца. Что лежало в основе этого чувства – ранние детские воспоминания (в свое время Алексей Михайлович очень обрадовался появлению на свет своего последнего сына), или восхищение тем, что сделал для России государь, прозванный Тишайшим, а бывший по существу Великим, сказать сложно. Но называя младенца в честь его деда, Петр однозначно указывал на него как на наследника российского престола.

Но все же, первый брак царя оказался недолгим. После смерти матери (в 1694 году) Петр все больше отдаляет от жены. А в 1696 году задумал и вовсе избавиться от нее и сослать в монастырь. В чем причина такого решения царя? Дореволюционные историки «прогрессивного» и либерального толка, а вслед за ними и практически все советские указывали в качестве причины неудачи брака неприятие Евдокией увлечений Петра и его стремления к преобразованию России. «*Покорная, не способная воспринимать новизну, она тем более не годилась в помощницы своему энергичному супругу, человеку, несомненно, во всех отношениях выдающемуся»*[11].

Цель такой аргументации понятна – снять с Петра ответственность за распад семьи, возложить ее на царицу, а вдобавок, – связать личную жизнь Петра с самой привлекательной частью петровского мифа – деятельностью по преобразованию страны. Если же рассмотреть ситуацию непредвзято, то мы увидим ее несостоятельность и даже некоторую абсурдность – ведь получается, что женщинами, достойными «Петра Титана» являются дочь немецкого кабатчика Анна Монс или вовсе не получившая никакого воспитания неграмотная Марта Скавронская.

Что послужило причиной развода? В 1692 году в жизни Петра появилась Анна Монс. Дочь содержателя кабака в немецкой слободе, женщина легкого и обходительного поведения, любовница близкого друга молодого государя Франца Лефорта, она быстро пленила сердце молодого царя. Бывать в устроенном на европейский манер доме бывшего виноторговца Петру нравилось куда больше, чем вести нормальную жизнь семейного человека. Однако, само по себе наличие любовницы не могло послужить основанием для развода. Для Европы того времени наличие при дворе монарха фаворитки – вещь обыкновенная, не приводившая, как правило, к каким-то семейным проблемам. Но «просвещенный царь» повел себя совеем не по-европейски. Н.И. Костомаров предположил в свое время, что на разрыв с супругой царь решился под деятельным давлением со стороны Лефорта и других иноземцев из своего окружения. Последние

боялись, что легко внушаемый Петр может неожиданно снова попасть под влияние супруги, а «знатные по годности» иноземцы потеряют его расположение.

Обычно, когда авторы популярных книг рассказывают о разводе Петра, они указывают, что царь действовал по образцу своих предшественников на троне, и приводят в пример Василия III и Ивана Грозного. Но, во-первых, эти государи правили более чем за столетие до Петра, и нравы русского общества с той поры серьезно изменились, а, во-вторых, окончание первого брака Петра Алексеевича было совершенно необычным для русской истории. Дело в том, что обычно такая мера как ссылка жены в монастырь была связана с новой женитьбой государя. Было ли тому причиной бесплодие первой супруги (как у Василия III) или просто желание царя к перемене (как у Ивана Грозного), но в любом случае, на смену одной царице сразу же являлась новая. Но в случае Петра все было по-другому. Царь просто хотел избавиться от надоевшей ему супруги. Нет никаких сведений, что он собирался вступить в брак с Анной Монс (что было невозможно по многим соображениям) или с другой неизвестной нам особой. Нет, царь просто хотел избавиться от семьи, не задумываясь ни о том, какой пример он подает своим подданным, ни о том, в какое опасное положение он ставит династию.

Важно отметить еще одно обстоятельство – царь не пожелал лично объясниться с супругой. Будучи в составе Великого Посольства в Европе, Петр поручает своим родственникам боярам Льву Нарышкину и Тихону Стрешневу уговорить царицу добровольно вступить в монастырь. О том же он написал и ее духовнику[12]. План государя был прост – во время его пребывания за границей, жена «добровольно» уходит в монастырь, и он оказывается свободным от семейных уз без малейшего ущерба для своей репутации. Решение, на первый взгляд, простое и изящное, но оно является показателем весьма легкомысленного отношения Петра к династическим вопросам. Ведь в случае ухода царицы в монастырь сразу же возникло несколько проблем: Кто будет заниматься воспитанием наследника? Что будет с государством, если наследник умрет? Последнюю возможность нельзя было исключать, так как детская смертность в то время была весьма высока – так отец Петра Алексей Михайлович пережил трех из шести своих сыновей. Да и из троих детей Петра и Евдокии выжил только Алексей.

Вернувшись в Россию в 1698 году, Петр, помимо прочих дел, нашел время на долгий, четырехчасовой разговор с женой, в ходе которого снова пытался уговорить ее уйти в монастырь. Отстаивая свои права, Евдокия проявила «недюжинную твердость»[13], а в качестве одного из аргументов указывала на необходимость воспитания Алексея. Однако царь был неумолим и, так и не добившись согласия супруги, сослал ее в Суздальский Спасо-Ефимов монастырь, где условия ее содержания были на первых порах весьма суровыми.

Таким образом, Петр снова поставил страну на грань династического кризиса – в течение 14 лет (с 1698 по 1712 год) царь не был женат и, случись что с Алексеем, страна бы осталась без наследника. И все из-за чего? Из-за каприза монарха, который так и не смог построить нормальную семейную жизнь.

К моменту развода родителей Алексею было уже 8 лет, возраст достаточный, чтобы осознавать происходящее и сделать свой выбор, кто прав, а кто нет. До этого времени Алексей жил с матерью, которая о нем заботилась, и к которой он был нежно привязан. Отца же видел редко, и отец не проявлял к нему особого интереса. Даже после ссылки матери в монастырь он не взял сына к себе, а поручал его разным людям, порой не всегда хорошо справлявшимися со своими обязанностями.

Образование царевича началось в шестилетнем возрасте, когда к нему был приставлен учитель Никифор Константинович Вяземский. «Человек не слишком образованный, не располагавший способностью внушить к себе уважение, не владевший педагогическими навыками, но честно относившийся к своим обязанностям и справедливо читавший, что

его знаний достаточно, чтобы научить наследника читать и писать»[14]. Этот персонаж чем-то напоминал учителя его отца – Никиту Зотова, но был лишен многих достоинств последнего. Подобно том,у как Зотов до конца своих дней оставался доверенным человеком Петра, так и Никифор Вяземский весьма долгое время сохранял расположение царевича.

Надо отметить, что сам Петр так и не получил в детстве нормального образования – «*После прихода к власти царевны Софьи его воспитание было совершенно заброшено. Учителя, Никиту Моисеевича Зотова, от него удалили: другого ему не дали; он проводил время в потехах, окруженный ровесниками без всяких дельных занятий: такая жизнь, конечно, испортила бы и изуродовала всякую другую натуру, менее даровитую. На Петра она положила только тот отпечаток, что он, как сам после сознавался, не получил в отроческих летах тех сведений, которые необходимы для прочного образования. Через это небрежение Петру приходилось учиться многому уже в зрелом возрасте. Сверх того, проведенное таким образом отрочество лишило его той выдержки характера в обращении с людьми, которая составляет признак образованного человека»*[15]. Этим обстоятельством царь-реформатор разительно отличался от своих предшественника на троне – царя Федора Алексеевича, чьим учителем был великий Симеон Полоцкий. Не получил Петр и личного опыта семейного воспитания. Рано лишившийся отца, он плохо представлял себе, как надо воспитывать сына, и не придавал этому особого значения.

Желая видеть сына воспитанным и образованным на европейский манер, Петр нанял ему учителя иностранца. Выбор, однако, оказался неудачным – немецкий учитель Нейгебауэр был человеком заносчивым, грубым, малокомпетентным. Он с таким презрением относился ко всему русскому, что умудрился на этой почве задеть самого царя, который, как известно, был весьма расположен к иноземцам. Так что Нейгебауэр недолго был учителем царевича и вскоре был выставлен из России.

К 1700 году царь задумал отправить наследника учиться за границу – решение по тем временам невиданное не только для России, но и для Европы. Подготовка наследника престола обычно велась по индивидуальным планам, с учетом особенностей его личности и склонностей. К тому же пребывание наследника за границей не могло обеспечить его безопасность, что было чревато для государства в целом. Сама эта идея показывает, как мало внимания уделял Петр проблеме образования сына. Об этом же говорит и выбор вельможи, которого государь назначил ответственным за воспитание и образование царевича. Этим человеком стал Александр Данилович Меншиков. Выбор более чем странный, во-первых, происходивший из низов бывший торговец с лотков пирогами не получил вовсе никакого образования и едва умел читать и писать, во-вторых, в то время еще холостой, он имел весьма смутные представления о воспитании, и, в-третьих, будучи одним из наиболее близких сотрудников Петра, он почти постоянно либо сопровождал государя в его многочисленных разъездах и походах, либо выполнял его важные поручения, т.е. попросту не имел времени следить должным образом за воспитанием и образованием наследника престола. Почему же выбор царя пал именно на Меншикова? Главным достоинством последнего в глазах царя была безусловная преданность. Вознесенный на вершину власти из низов исключительно милостью Петра, не имевший прочных связей в аристократической элите русского государства, «полудержавный властелин» должен был не сколько контролировать образования и воспитание наследника, сколько не допустить ничьего вмешательства в него. Его роль – надзиратель, а не воспитатель.

В 1702 году у царевича появился новый учитель – барон Гюйссен. Он был профессиональным педагогом, хотя и не блистал выдающими достоинствами, но свое дело знал хорошо. Начал он свою деятельность с составления программы обучения, которая предусматривала совершенствование русского и изучение французского языков,

обучении географии и чтению карт, геометрии и математики, истории и современной политики. Наследник был должен также овладеть военными экзерцициями, получить представление о фортификации и артиллерии, а также – об архитектуре и навигации, ежели проявит к тому склонность[16].

В целом программа Гюйссена выглядит логичной и достаточно насыщенной. В отличие от программы обучения царя Федора Алексеевича, составленной в духе схоластики с упором на латынь и гуманитарные науки, образование Алексея Петровича должно было иметь практический крен – основное место уделяется естественным наукам, а изучение латыни не предполагалось вовсе. Главным же недостатком программы является не ее содержание, а весьма короткий срок – всего 2 года, который барон Гюйссен отводил на ее реализацию.

Впрочем, может быть, педантичный немец и преуспел бы в своем деле, если бы не вмешательство царя. Не считаясь с «учебным планом» сына, Петр вызывает его в действующую армию, для того чтобы тот на деле познал солдатскую науку. 15-летним юношей царевич в чине рядового солдата участвует в штурме Ниеншанца (1703 г.), и во второй осаде Нарвы (1704 г.). Участие в военных действиях одновременно и государя, и наследника престола – создавало большой риск для страны, поэтому в дальнейшем царь не привлекал Алексея к участию непосредственно в боевых действиях.

Участие в войне было не единственной причиной, помешавшей царевичу нормально завершить образование. Уже в 1705 году царь отправляет барона Гюссена за границу с дипломатическим поручением, а наследник оказывается предоставлен самому себе. Его «воспитатель» Меншиков занимается строительством Санкт-Петербурга, отце тоже часто находится в отъезде… Чтобы заполнить свободное время Алексей увлекается токарным ремеслом, к которому был не равнодушен и его отец.

К 1707 году относится первое свидетельство о конфликте отца и сына. Поводом послужило то, что Алексей, не смотря на строгий запрет отца посетил мать, о чем Петру донесла его сестра царевна Наталья Алексеевна, которой племянник имел неосторожность довериться. Царь жестоко выбранил сына за этот поступок, выразив свое крайнее неудовольствие. Уже это столкновение показывает, насколько по-разному его участники смотрели на одно и то же. Петр полагал, что, нарушая запрет на посещение его бывшей супруги, царевич бросает ему вызов, пренебрегая царской волей. Алексей, в свою очередь, просто хотел посетить мать, которую очень любил.

Отметим и еще одну особенность ситуации – царь выражает свое недовольство наследнику на основании доноса.

Начиная с 1708 года, Петр поручает Алексею выполнение разного рода заданий, связанных с обеспечением армии продовольствием, набором рекрут, представительскими функциями и т.д. Как отмечает Н.И. Павленко, в течение десяти лет (1707 – 1716) переписка между отцом и сыном носит почти исключительно деловой характер. По содержанию писем можно узнать и полученных царевичем заданиях, и об усердии с котором он их выполнял[17]. Для нас важно отметить два момента – царевич не был включен отцом в круг своих ближайших соратников, тех, кого потом назовут «Птенцы гнезда Петрова», с порученными ему заданиями царевич в целом справлялся, – претензии, царь высказывал ему редко.

В 1710 году царь осуществляет свое намерение и отправляет наследника для продолжения образования за границей. На первый взгляд, такое решение может быть оправдано – в пределах России существовали только два высших учебных заведения и специализировались они в богословии (Академия имени Петра Могилы в Киеве и Славяно-Греко-Латинская академия в Москва). Поэтому направление наследника на учебу в один из университетских городов, этих интеллектуальных центров тогдашней Европы, было бы весьма целесообразно.

Но Алексей, по воле отца отправился в столицу союзной Саксонии, Дрезден, где его образованием занялись все те же нанятые учителя. Т.е. по сравнению с пребыванием в России его образование не претерпело существенных изменений. Зато царь мог всем и каждому показывать, как он стремится в Европу.

Впрочем, пребывание царевича в Саксонии имело и еще одну цель – государь решил наследника женить и женить в Европе. По-видимому, Петр хорошо запомнил трагические события своего детства и решил прекратить практику женитьбы государей на собственных подданных. Искать спутниц жизни им отныне надлежало среди равных себе – т.е. государей христианского мира. Однако, при этом, царь пренебрег собственным горьким опытом женитьбы по чужому выбору, для своих детей и племянников он выбирал невест и женихов сам, исходя исключительно из политических соображений. Стоит ли удивляться, что из 4-х устроенных Петром Алексеевичем династических браков только один (брак его старшей дочери Анны) оказался более-менее удачным.

Возможно, первоначально Петр планировал предоставить Алексею свободу выбора в Европе, благо выбирать там было из кого, но потом все же выбрал невесту сыну сам. Почему? Потому что Алексей, жениться на иностранной принцессе не хотел. Повторялась ситуация с женитьбой самого Петра – если бы сыну дали волю, он бы тянул время до самого своего возвращения из Европы. Отличие ситуаций 1689 и 1711 годов состояло лишь в том, что никакой острой политической необходимости женить сына у Петра в тот момент не было.

Невесту Алексею разыскал все тот же барон Гюйссен. Это была принцесса Шарлотта Христина София Бланкенбургская, внучка герцога Брауншвейг Вольфенбюттельский Антон Ульрих. С шести лет она воспитывалась своей родственницей, женой курфюрста Саксонского и польского короля Августа II Сильного. Ее старшая сестра Елизавета была замужем за Императором Священной Римской империи Карлом VI[18]. Таким образом, через брак сына Петр закреплял союз сразу с тремя государствами – Речью Посполитой, Саксонией и Империей.

Характер этого брака, как, впрочем, и других, заключенных в годы правления Петра, показывает, насколько невысоко котировалась русская царская семья среди монархов Европы. Многолетняя политика самоизоляции привела к тому, что виднейшие дворы Европы – французский, австрийский (Имперский), британский, испанский не рассматривали возможность династических браков с Россией. Немалую роль сыграла и последовавшая вскоре женитьба самого Петра на безродной «лифлянской портомое». Поэтому невесту приходилось искать среди представителей династий мелких германских княжеств. Примечателен и еще один момент – в брачном договоре Алексея и Шарлотты за невестой сохранялось право на исповедание лютеранской веры. Это исключительный случай в истории династических браков между Россией и Европой. Дело в том, что русские государи со времен Василия III и Ивана IV Грозного полагали себя защитниками и хранителями Православной веры. Русский государь должен был быть рожден от православных родителей. И в допетровское время во время переговоров о возможных династических браках, и в послепетровское обязательным условием для невесты наследника русского престола было принятие Православия. Последнему русскому царю, Николая Александровичу стоило больших усилий убедить в необходимости сменить конфессию свою невесту – принцессу Алису Гессенскую. Петр этим условием демонстративно пренебрег. По-видимому, желание показать Европе свою «европейскость» было для царя преобразователя важнее, чем государственные и династические интересы.

Брак наследника заметно повышал его статус. По распространенным тогда представлениям именно создание собственной семьи делало человека полностью совершеннолетним (вспомним, как торопились женить Петра его родственники).

Аристократическое происхождение супруги Алексея, его родство через нее с Императором Священной Римской империи импонировало русской аристократии, особенно на фоне последовавшей вскоре женитьбы царя на безродной прачке. Через супругу царевич входил в узкий круг европейских монархов, что должно было по замыслу царя повысить авторитет и его самого и страны в целом.

Примечательно, что в тяжелейшей обстановке неудачного для его армии и страны Прутского похода, находил время заниматься организацией свадьбы царевича, и обещал лично присутствовать на ней, заявив – «*Это мой единственный сын, и я охотно доставил бы себе радость по окончании похода лично присутствовать на его свадьбе».* И действительно, после заключения мирного договора, царь отправился в Торгау, где и состоялось торжество[19].

Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что, не смотря на то, что отношения отца и сына не были идеальными, в 1711 году царь, по-прежнему видел в Алексее единственного законного наследника престола и принимал меры по упрочению его положения и в России, и за границей.

Роковым для отношений отца и сына стал следующий 1712 год. В 19 февраля царь вступил в брак с Екатерина Скавронской, ставшей, таким образом, царицей Екатериной. Еще в 1711 году, перед отъездом в Прутский поход Петр повелел официально именовать его сожительницу супругой, и относится к ней как подобает. Но все-таки, с юридической точки зрения, законной царицей она стала только после венчания. Для Алексея этот брак сулил мало хорошего. Во-первых, исчезали последние призрачные надежды на примирение родителей, во-вторых, дети Екатерины, рожденные в браке, приобретали статус законных, и в случае рождения мальчика, он мог бы претендовать на престол, в-третьих, его собственная супруга с появлением законной царицы утрачивала негласный титул первой дамы страны, что могло сказаться и на положении самого Алексея.

Вторым важным событием, оказавшим влияние отношения царя и наследника, стало громкое, как бы сейчас сказали, дело, связанное с коррупцией среди ближайшего окружения царя. Какое оно имеет отношение к нашей теме? На первый взгляд, прямой связи нет, но если посмотреть на участников этого скандала, то можно заметить, что он удивительно схож основными фигурантами дела о побеге царевича и последующей расправе над ним.

Итак, в 1712 году до царя неизвестным образом дошел анонимный донос о том, что ряд его ближайших приближенных занимаются, говоря современным языком финансовыми махинациями в особо крупном размере. Момент доносчик выбрал на редкость удачный – главный из обвиняемых – «счастья баловень безродный» Александр Данилович Меншиков в это время в России отсутствовал. Делу был дан ход – по указу государя была создана следственная канцелярия, которую возглавил князь Василий Владимирович Долгоруков. Комиссия выяснила, что крупные чиновники безбожно наживались, заключая торговые подряды на поставку в Петербург хлеба по завышенным ценам, при этом взятые обязательства не выполнялись. По делу были привлечены Петр Шафиров, Александр Кикин, Федор Апраксин, Гавриил Головкин и другие. До суда дело не дошло, по той причине, что хотя эти махинации и причиняли изрядный убыток казне, они не нарушали действовавшее в то время законодательство. Однако, царь своим указом наказал виновных, заставив их вернуть в казну полученную прибыль, а двумя другими указами прикрыл «дыру» в законодательстве – отныне должностным лицам под страхом лишения живота воспрещалось заключать контракты на поставку в казну чего-либо, а размер прибыли подрядчиков был ограничен 10%. Общая сумма начета на Меншикова составила 144 788 рублей[20]. Но это было только начало, продолжая работу, канцелярия князя Долгорукова вскрыла куда более масштабные преступления светлейшего – речь шла о, говоря современным языком, нецелом расходовании казенных средств, т.е. попросту о

казнокрадстве, причем в масштабах, доселе на Руси невиданных. Следователи потребовали от князя отчета в расходовании 1 018 237 рублей, общая сумма претензий, по некоторым сведениям, достигала 1518519 рублей[21]. Чтобы современный читатель мог себе представить масштабы этой суммы, напомним, что весь годовой бюджет огромного российского государства в это время колебался от 5 до 7 миллионов рублей. Пойманный с поличным, Меншиков принялся изворачиваться. Он постоянно выдвигал многочисленные придирки и вопросы к работе следственной канцелярии, настаивал на том, чтобы его деятельность расследовалась, только начиная с 1710 года, при этом, князь стремился уйти не только от уголовной, но и от финансовой ответственности – возвращать в казну полтора миллиона рублей ой как не хотелось!

В итоге, он добился своего – в казну государства вернулось только 615 608 рублей, а само следствие затянулось до смерти Петра, после которой и было прекращено. Избежать справедливого возмездия Меншикову помогла милость царя, который вопреки сложившемуся о нем мифу, карал казнокрадов весьма выборочно. Безусловно, Петр испытывал некоторое разочарование в своем близком друге, но у князя был мощный ходатай – новая царица Екатерина. Она никогда не забывала, кто свел ее с царем, и всегда оказывала бывшему любовнику покровительство.

Следственное дело о казнокрадстве имело и еще один важный аспект – оно показало, как негативно относится к любимцу царя значительная часть русской знати. Рассмотрим этот аспект подробнее.

Окружение Петра Великого в русской исторической и публицистической литературе принято с легкой руки Пушкина именовать «Птенцами гнезда Петрова», объединяя в эту группу ближайших сотрудников царя-преобразователя, представляя их себе как некую команду единомышленников. В действительности же, эта группа была довольно разнородной, отличаясь и происхождением, и мотивацией. И тот же Пушкин, очень метко обозначил эту разницу. Вспомним строки «Полтавы»:

Сии птенцы гнезда Петрова –
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев <u>благородный</u>,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень <u>безродный</u>,
Полудержавный властелин.

Потомок старинного рода, ведущего происхождение от одного из бояр Александра Невского, Борис Петрович Шереметьев, обозначает один полюс, симпатию к которому поэт обозначил одним словом – «благородный». На другом полюсе – упомянутый последним «счастья баловень безродный» - Александр Данилович Меншиков. Тот самый, о котором Пушкин позже упомянет в стихотворении «Моя родословная» - «*мой дед не торговал блинами, не ваксил царских сапогов».*

Отношения между этими полюсами были, мягко говоря, недружелюбными. Родовое русское дворянство, которое, собственно, и обеспечивало воплощение в жизнь разумных и не очень замыслов царя-преобразователя, проливало кровь на полях сражений Северной войны, составляло костяк офицерского корпуса и государственного аппарата, с большим презрением смотрела на кучку безродных выскочек, которые пробились в ближнее окружение царя. Дело было не только в сословной спеси, в те времена происхождение, воспитание в определенной социальной среде, формировало на всю жизнь стереотипы поведения человека, понятия о чести, достоинстве и очень немногие личности могли преодолеть этот барьер и стать своими в «благородном сословии». У Александра

Даниловича это не получилось[‡]. И в итоге в среде русской аристократии Меншиков и его клевреты оказались в положении изгоев. С ними считались, перед ними порой заискивали, но искренних друзей и союзников любимец царя не приобрел. Князь понимал – единственной гарантией его благополучного существования является царская милость.

Казалось, ему нечего опасаться – Петр прощал своему любимцу все, но как раз в это время здоровье царя серьезно пошатнулось. Меншиков знал это лучше, чем кто-либо другой – личным медиком царя был англичанин Роберт Эрскин, который до того более 5 лет являлся его личным врачом. История болезни Петра долгое время была предметом мифологии и спекуляций. Даже сейчас в публицистических работах можно встретить утверждения, что царь страдал венерической болезнью, от которой в последствие и умер. Современные историки медицины, основываясь на сохранившихся документах, определяют болезнь царя как стиктуру уретры, осложнившявшейся гнойным циститом и возможно, хроническим гепатитом[22]. Для лечения Петр неоднократно пользовался минеральными водами, вот и в 1711 году, как раз перед свадьбой сына, он воспользовался услугами знаменитого Карлсбада.

А вот отношения с наследником у Меншикова не сложились. Алексей не любил князя за низкое происхождение, пренебрежительное отношение к себе, а главное – второй брак отца. Меншиков, в свою очередь, не воспринимал наследника в серьез. Историк Николай Павленко приводит описание примечательного эпизода, показывающего характер их отношений:

«*Однажды во время устроенного Меншиковым обеда, на котором присутствовали высшие офицеры дислоцированной в Померании русской армии, в том числе и царевич Алексей Петрович, зашел разговор о дворе его супруги принцессы Шарлотты. Меншиков отозвался о нем самым нелестным образом: по его мнению, двор был укомплектован грубыми, невежественными и неприятными людьми. Князь выразил удивление, как может царевич терпеть таких людей. Царевич встал на защиту супруги: раз она держит своих слуг, значит, довольна ими, а это дает основание быть довольным ими и ему. Завязалась перепалка. Меншиков возразил: «Ты слеп к своей жене, она тщеславна».*

Царевич воскликнул в ответ: «Знаешь ли ты, кто моя жена, и помнишь ли ты разницу между ней и тобой?!»

Меншиков: «Я это хорошо знаю, но помнишь ли ты, кто я?»

Царевич: «Конечно, ты был ничем, и по милости моего отца ты стал тем, что ты есть».

Меншиков: «Я твой попечитель, и тебе не следует со мной так говорить».

Царевич: «Ты был моим попечителем, теперь уже ты не мой попечитель, я сам умею позаботиться о себе, но скажи мне, что у тебя против моей жены»?

Меншиков: «Что у меня против нее: она высокомерная немка, и все от того, что она в родстве с императором, но от этого родства ей, впрочем, будет мало проку, а, во-вторых, она тебя не любит, и она права в этом, ибо ты обращаешься с ней очень дурно; кроме того, ты своим видом не можешь возбудить любви».

[‡] Как пример можно привести случай отмечания «светлейшим» собственного дня рождения 6 ноября 1715 года. Его Князь, занимавший пост генерал-губернатора Санкт-Петербурга отмечал в австерии – единственном ресторане города. Светлейший упился до такой степени, что потерял «Кавалерию» - орден св. Андрея Первозванного и обнаружил пропажу только наследующий день. В столице было объявлено – нашедшему дорогой орден будет выдано 200 рублей. Когда таковой сыскался, то Меншиков и тут не удержался от обмана – отдал только 190. Конечно, кутежи и пиры раздольные были обычным времяпровождением в то время, но подобных историй о других вельможах того времени не сохранилось. А за всю историю ордена св. Андрея Первозванного – высшей награды Российской империи – это единственный случай, когда наградной знак, что называется, пропивали.

Царевич: «Кто сказал, что она меня не любит? Я очень хорошо знаю, что это неправда, я ею очень доволен и убежден, что и она мною довольна. Да сохранит Господь ей жизнь, я буду с нею очень счастлив».

Меншиков: «Я своими глазами убедился в противном, она тебя не любит. Плакала она, когда ты уезжал, от досады, видя, что ты ее не любишь, а нисколько ни от любви к тебе».

Царевич: «Не стоил ты того, чтобы на нее смотреть; ее нрав очень кроток, и хотя она не моей веры, должен, однако, сознаться, что она очень благочестива; что она меня любит, в этом я уверен, ибо ради меня она все покинула, и в том тоже я уверен, что она честна; впрочем, неудивительно, что ты так говоришь, ибо ты судишь об имперских княжнах по тем, которые у нас, и особенно по твоей родне, которая никуда не годится, так же, как и твоя Варвара. У тебя змеиный язык, и поведение твое беспородно. Я надеюсь, что ты скоро попадешь в Сибирь за твои клеветы; моя жена честна, и кто впредь мне станет говорить что-либо против нее, того я буду считать отъявленным врагом».

Царевич велел наполнить бокалы, выпили за здоровье кронпринцессы, и все офицеры бросились к ногам царевича»[23].

Прошу прощения у читателя, за столь большую цитату, но сей эпизод хорошо раскрывает несколько важных аспектов отношений между наследником и любимцем царя. Во-первых, Меншиков ведет себя весьма развязно, если не сказать нагло. В его поведении нет ничего от почтительности подданного или мудрости наставника. Напротив, он старается уязвить царевича, допуская подлые намеки (именно намеки, других аргументов нет) в адрес его супруги. Алексей держится с достоинством воспитанного человека, осознающего свое превосходство в происхождении, а также свою правоту, как мужа и главы семейства. Как не похож этот образ, на традиционные представления о царевиче, как о человеке забитом, трусоватом!

Важен и финал истории – царевич не просто достойно вступается за честь жены, он выигрывает эту пикировку с Меншиковым, и что еще важнее – симпатии генералов и офицеров оказываются на его стороне, а не на стороне командующего армией. Перед собравшимися на мгновение предстал их будущий повелитель, и последняя сцена, говорит о том, что этот повелитель мог рассчитывать на верность подданных.

После возвращения семьи царевича в Петербург к уже имевшимся проблемам в его отношениях с отцом добавилась еще одна – царевна не поладила с царицей. Поначалу ничто не предвещало такого поворота, напротив, Екатерина приняла невестку весьма ласково. Принцесса писала матери – «Царица со своей стороны не упускает случая выразить мне свое искреннее уважение»[24]. Но потом их отношения резко испортились. Причиной стала банальная женская ревность – необразованная и невоспитанная «лифлянская портомоя», которая до конца жизни так и не освоила грамоту, не могла выдержать сравнения с изящной, утонченной принцессой, пусть и не самого родовитого немецкого двора. Отношения стали натянутыми и напряженными, как отмечает современный историк, прежняя благосклонность Екатерины Алексеевны сменилась враждебностью, которая усугублялась тем, что обе женщины ждали ребенка. Царица ревниво относилась к возможному появлению у царевны наследника мужского пола, то есть соперника ее собственным детям в возможной борьбе за престол[25]. Это, в свою очередь, сказалось и на отношениях Петра и Алексея.

Постепенно вокруг царевича начинает формироваться круг лиц, недовольных политикой его отца. Здесь важно обозначить следующее – обычно в популярной литературе говорится о том, что царевич и его окружение ненавидели все, что делал царь-преобразователь. Это утверждение создано в рамках петровского мифа, одним основополагающих тезисов которого является утверждение об уникальности роли Петра в

модернизации России. Только он один понял, что надо делать и «Россию поднял на дыбы». В реальности же, вопрос о модернизации страны стоял на повестке дня еще с середины XVII века, и процесс этот шел при предшественниках Петра на троне, порой куда более последовательно и продуманно[§]. Курс на модернизацию страны и сближение с западной Европой был определен не личной волей монарха, а объективными процессами развития России.

Неприятие Алексея и его окружения вызывали не сам процесс модернизации страны, а лишь некоторые его аспекты, связанные, в частности, с церковной политикой Петра, или с защитой царем от справедливого наказания того же Меншикова, а также – второй брак царя.

Вопреки распространенному в популярной литературе мнению, окружение царевича составляли отнюдь не «бояре», попы и чернецы – замшелые ретрограды. Нет, среди его ближайших советников мы видим людей деятельных, прекрасно зарекомендовавших себя на государственной службе. Мы коротко расскажем читателю о них:

Конечно, пресловутые «попы» в окружении царевича были, и первым из них был его духовник протоиерей Яков Игнатьев. Он был одним из представителей наиболее образованной прослойки русского духовенства. Круг его знакомых и почитателей простирался на представителей самых разнообразных слове общества. Среди его корреспондентов – канцлер Гавриил Иванович Головкин, архимандрит Досифей, митрополит Стефан Яворский и многие другие. Яков Игнатьев обладал силой убеждения и даром понимания людей. Царевич слушался его беспрекословно, причем добился такого послушания священник не угрозами, а внушением, авторитетом и разумными советами наставника[26].

Ближайшими советниками царевича в период конфликта с отцом были князь Василий Владимирович Долгоруков и Александр Васильевич Кикин.

Князь Василий Владимирович Долгоруков происходил из старинного и влиятельного рода. Он родился в 1667 году. Принимал активное участие в Северной войне, отличился при взятии Митавы, в 1708 году его отряд усмирял бунт донских казаков под предводительством Кондратия Булавина, в Полтавском сражении князь командовал отрядом конницы и принял активное участие в преследовании бегущих шведов. В 1711 году участвует в трагически окончившемся Прутском походе. Когда русская армия была окружена турками, Долгоруков присоединился к предложению Шереметева «проложить дорогу штыками или умереть». В 1713 году отличился при взятии Штетина; в 1716 – был назначен командовать русскими войсками в Польше (впрочем, за этим назначением стоял Меншиков, который таким образом отстранял князя от руководства следственной канцелярией). Впоследствии, Василий Владимирович дослужится до звания генерал-фельдмаршала, будет руководить военной коллегией и сделает немало для развития российской армии. Убедившись в невозможности добиться справедливости в деле Меншикова, которое расследовала руководимая им следственная канцелярия, он сблизился с царевичем, связывая свои надежды с его возможным восшествием на престол.

Александр Васильевич Кикин происходил из старинного дворянского рода, чей основатель перешел из Литвы на службу самому Дмитрию Донскому. В 1693 году он

[§] Рекомендуем вниманию читателя недавно вышедшую в издательстве «Вече» книгу А.П. Богданова «Несостоявшийся император Федор Алексеевич», в которой подробно рассматривается деятельность старшего брата Петра Великого. Автор приходит к выводу, что начавшиеся при Федоре процессы модернизации страны были значительно более глубокими и продуманными, чем сумбурные и неожиданные петровские преобразования. В книге А. В. Манько «Великих посольских дел оберегатель. Политическая биография князя В. В. Голицына» подробно описывается деятельность в этом направлении правительства царевны Софьи.

бомбардир потешного полка. Участник Азовских походов и Великого посольства. Вместе с царем работает на верфях в Голландии. Однако, то, что для Петра было лишь одним из увлечений, для Александра Васильевича становится делом всей жизни. Он в течении двух лет изучает кораблестроение в Европе, по возвращении в Россию работает на Воронежской и Олонецкой верфях. С момента основания Санкт-Петербургского адмиралтейства в 1707 году Кикин становится его бессменным руководителем, а также вице-губернатором города. Помимо адмиралтейской деятельности он выполняет многочисленные поручения царя и пользовался его полным доверием. Оставаясь в скромном чине адмиралтейств-советника, Александр Васильевич фактически руководил всем сложным процессом создания и снаряжения российского балтийского флота. В 1715 году Кикин был привлечен к ответственности по уже упоминавшемуся делу о подрядах. Наказанием ему стала высылка в Москву. Однако, обойтись без толкового руководителя Адмиралтейства царь не мог, и в 1716 году вернул его к прежнему месту службы. Возможно, что причиной первоначально сурового наказания Кикина (а оно было наиболее строгим, среди всех участников «подрядного дела»), стала не мера его вины, а откровенные показания, которые он на следствии против Меншикова. Будучи вице-губернатором новой столицы, Кикин лучше, чем кто-либо другой знал о махинациях светлейшего и не преминул их разоблачить.

Хорошее отношение к царевичу высказывали такие видные деятели петровской эпохе как митрополит Стефан Яворский (местоблюститель патриаршего престола – фактически глава русской Церкви в то время), фельдмаршал Борис Петрович Шереметьев, князь Михаил Михайлович Голицын – один из наиболее отважных и умелых генералов русской армии, и «множество сенаторов и других чинов».

Важно отметить и положительное отношение к царевичу со стороны дворянства и простонародья. В глазах русского общества, образ наследника противопоставлялся образу отца. Важной особенностью традиционного сознания является представление об ответственности монарха, за происходящее в стране. Причем ответственности не столько политической, сколько нравственной. Бог карает монарха за грехи страны, и страну за грехи монарха. Одной из причин потери поддержки общества царем Борисом в ходе авантюры первого Лжедмитрия стало массовое убеждение в том, что и трехлетний голод, и мятежи, и самозванец – все это является следствием виновности царя в убийстве последнего сына Грозного, и занятии трона не по праву, в обход законных наследников.

Первые десятилетия XVIII века были для страны очень тяжелым временем. Непрекращающаяся война, которая вызывала ассоциации с Ливонской войной Ивана Грозного, постоянные и все растущие денежные поборы с населения, невиданные прежде рекрутские наборы, введение иноземного платья и принудительное бритье бород, снятие колоколов и насилие над Церковью, длительное отсутствие Патриарха, личная жизнь самого Петра вкупе с его женитьбой на солдатской девке, все это вызывало глухое раздражение в обществе.

Алексей же представлялся в некоторой степени антиподом отца – благочестивый, с уважением относившийся к духовенству, рачительный хозяин (принадлежащими ему селами он управлял куда лучше, чем отец), сын от безвинно сосланной царем жены, и, главное, единственный законный наследник трона в глазах большинства населения страны. Все это увеличивало симпатии к царевичу в самых разных слоях русского общества.

Эти чувства подданных, совершенно нормальные для русского общества, весьма тревожили ближнее окружение царя, в первую очередь, - Меншикова и Екатерину Алексеевну. Они очень хорошо понимали, что их единственная опора – это царь Петр Алексеевич и случись с ним что, временщику и его ставленнице несдобровать. Единственной возможностью удержаться у власти было устранение Алексея от

наследования престола и замена его ребенком от брака Петра и Екатерины. Летом 1714 года, к немалому облегчению царицы, царевна Шарлотта разрешилась от бремени дочерью, которую назвали Натальей. Но и царица в сентябре родила дочь Маргариту.

В следующем году обе дамы вновь забеременели и на сей раз у обеих родились мальчики, которых назвали одного в честь деда, а другого в честь отца – т.е. одинаково – Петр. Для принцессы Шарлотты эти роды оказались смертельными, и через несколько дней она умерла на руках безутешного супруга.

Обратим внимание на то, какие имена выбрал царевич для своих детей. Наталией звали единственную единокровную сестру царя, с которой у него были наиболее близкие отношения из всех родственников. Наталией также звали и прабабушку новорожденной – царицу Наталию Кирилловну, мать Петра.

Называя в честь отца своего сына (при этом дед и внук получались полными тезками и по имени отчеству), Алексей, с одной стороны, подчеркивал свою лояльность отцу, а с другой, - утверждал права своего сына на российский престол.

Но у царя были на этот счет иные планы. Вернувшись с похорон невестки, он вручил сыну письмо следующего содержания:

Объявление сыну моему.

Понеже всем известно есть, что пред начинанием сея войны, как наш народ утеснен был от шведов, которые не толико ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумным очам к нашему нелюбозрению добрый задернули занавес и со всем светом коммуникацию пресекли. Но потом, когда сия война началась (которому делу един Бог руководителем был и есть), о коль великое гонение от сих всегдашних неприятелей ради нашего неискусства в войне, претерпели, и с какою горестью и терпением сию школу прошли, дондеже достойной степени вышереченного руководца помощию дошли! И тако сподобилися видеть, что оный неприятель, от которого трепетали, едва не вящшее от нас ныне трепещет. Что все, помогающу Вышнему, моими бедными и прочих истинных сынов Российских равноревностными трудами достижено. Егда же сию Богом данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, видя тебя наследника весьма на правление дел государственных непотребного (ибо Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отнял: ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают.

Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законной причины, но любить сие дело и всею возможностию снабдевать и учить, ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона. Не хочу многих примеров писать, но точию равноверных нам греков: не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием побеждены, и желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в некончаемую работу тиранам отдал?

Аще кладешь в уме своем, что могут то генералы по повелению управлять, но сие воинству не есть резон, ибо всяк смотрит начальника, дабы его охоте последовать, что очевидно есть, ибо во дни владения брата моего не все ли паче прочего любили платье и лошадей, и ныне оружие? Хотя кому до обоих дела нет, и до чего охотник начальствуяй, до того и все; а от чего отращается, от того все. И аще сии легкие забавы, которые только веселят человека, так скоро покидают, кольми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставит!

К тому же, не имея охоты, ни в чем обучаешься и так не знаешь дел воинских. Аще же не знаешь, то како повелевать оными можеши и как доброму доброе воздать и нерадивого наказать, не зная силы их в деле?Но принужден будешь как птица молодая, в рот смотреть. Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести

не можешь? Но и сие не резон! Ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может. Спроси всех, которые помнят вышепомянутого брата моего, который тебя несравненно болезненнее был и не мог ездить на досужих лошадях, но, имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и перед очми имел, чего для никогда бывала, ниже ныне есть такая здесь конюшня. Видишь, не все трудами великими, но охотою.

Думаешь ли, что многие не ходят сами на войну, а дела правятся? Правда, хотя не ходят, но охоту имеют, как и умерший король Французский, которые немного на войне сам бывал, но какую охоту великую имел к тому и какие славные дела показал в войне, что его войну театром и школою света называли, и не точию к одной войне, но и к прочим делам и мануфактурам, чем свое государство паче всех прославил!

Сие все представляя, обращуся паки на первое, о тебе рассуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с пмощию Вышнего насаждение и уже некоторое возращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь, все, что Бог дал, бросил)! Еще же и сие воспомяну, какого злого нрава и упрямого ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранивал, и не точию бранивал, но и бивал, к тому ж сколько лет, почитай не говорю с тобою, но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все же на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и все противно идет. Однако ж всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бедою, не ведая, что может от того следовать (истину Павел святой пишет: како той может церковь Божию управить, иже о доме своем не радит?) не точию тебе, но и всему государству.

Что все я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать и еще мало пождать, аще нелицемерно обратишься. Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангренный, и не мне себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устрашение пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный»[27].

Перед нами весьма интересный документ. Но, прежде чем перейти к его анализу зададимся вопросом – почему он вообще появился на свет? Ведь и царь, и наследник пребывали в одном месте – Петербурге. Что помешало Петру лично высказать Алексею свои претензии и потребовать ответа? Если государь хотел, чтобы его внушение сыну сохранилось в истории, то он мог произнести свою речь с высоты трона, а придворные борзописцы не замедлили ли бы занести на скрижали его слова. Если же напротив, хотелось соблюсти тайну в столь деликатном вопросе, то, что мешало поговорить с сыном с глазу на глаз? Зачем царю понадобилось излагать свои мысли на бумаге? Писателем, в отличие от того же Ивана Грозного, Петр не был и литературным творчеством не увлекался. По авторитетному мнению Н.И. Павленко представленное выше послание царь написал не самостоятельно, а обратившись к помощи своих помощников – П.П. Шафирова или А.И. Остермана[28]. Н.И. Костомаров, подробно проанализировав момент вручения послания, предположил, что инициатором постановки вопроса о наследнике был не сам Петр, а его супруга и стоящий за ее спиной Меншиков. И все-таки, почему царь уклонился от разговора с сыном? Может быть, ответ подскажет нам текст письма?

Проанализируем его. И по смыслу, и по стилю оно распадается на три составные части. В первой государь сообщает наследнику о мотивах, побудивших его обратиться к теме наследования, а, вернее, объясняющие, почему он столь долго к ней не обращался – шла война, и лишь добившись перелома в ней, царь смог «обозриться на линию

наследства». Отметим, что государь лукавит. Военные труды не помешали ему принять деятельное участие в организации свадьбы наследника, когда как раз и было бы уместно рассмотреть вопрос о наследстве. Как мы увидим ниже, реальный повод для письма был совсем другой. Впрочем, военная тема логически связывает первую часть со второй.

В этой второй части Петр подробно разъясняет сыну необходимость изучения военного дела. Текст полон нравоучений и ссылок на исторические примеры. В этом тексте можно увидеть сходство со знаменитым «Поучением Владимира Мономаха», который также призывал своих сыновей учиться военному делу. Характер этого отдела послания скорее педагогический, чем обличительный, и тем неожиданнее переход к третей, заключительной его части.

В ней царь сообщает наследнику о его (царевича) несовершенстве и непригодности к правлению. Вина за эту способность возлагается на самого Алексея. Петр отмечает, что и разумом, и здоровьем Бог наследника не обидел, а потому вся вина злой и упрямый нрав лежит на царевиче. При этом, о своей роли и ответственности как воспитателя самодержец предпочитает и вовсе умолчать. С его точки зрения, отец за сына не отвечает. Впрочем, доступный царю воспитательный инструментарий – ругань, побои и молчание, - вряд ли помог добиться успеха. Под конец, царь сообщает, что принял беспрецедентное решение лишить сына наследства и выражает готовность лишь «пождать малость» его «нелицемерного обращения».

Обратим внимание на одну особенность письма – оно предельно неконкретно. Свои обвинения царевичу Петр не считает необходимым подтверждать какими-либо аргументами или фактами. Историки прогрессивного толка и до революции, и в советское время принимали эти обвинения на веру, считая, что царь прав в суровой и беспощадной критике наследника. Но так ли это?

Безусловно, царевич, не был таким ярым поклонником военного дела, как его отец. Его не привлекала шагистика, муштра – неотъемлемые части тогдашней военной науки, - оставляла равнодушной пушечная пальба, но значит ли сие, что он ничего не понимал в военном деле? Мы уже знаем, что в качестве рядового солдата Алексей в юношеские годы принимал участие в штурме Ниеншанца, в 1704-м году он принимает участие в осаде и взятии Нарвы, в 1707 – заготовляет провиант и набирает рекрутов для армии, в 1708 – руководит (пусть номинально) фортификационными работами по укреплению Москвы, в 1711 году – участвует в походе русских войск в Померанию, в 1712 – участвует в походе в Финляндию. Неужели во время всех этих походов царевич ничему не научился? В это сложно поверить, тем более, что нам неизвестно ни о каких-либо крупных провалах русских войск, ни о каком-то особенном неудовольствии царя действиями наследника.

Видимо, в этой неконкретности и кроется ответ на вопрос, почему Петр предпочел сочинить письмо, а не поговорить с сыном. Потому, что в ходе разговора царю пришлось бы не только говорить, но и отвечать на вопросы. А ответить ему было, в сущности, нечего. Такое уклонение от ответственности было для царя не в новинку. Еще в ходе событий 1689 года, когда Нарышкины совершали переворот в пользу Петра, его сестра, царевна Софья попыталась было лично изъясниться с братом, и, скорее всего, выхлопотать помилование для своих ближайших сотрудников. Однако, их встреча не состоялась – ее допустили сторонники молодого царя. Мы помним, как Петр до последнего оттягивал личное объяснение с первой супругой, и вот сейчас он избегал откровенного разговора с сыном[**].

[**] Эта особенность Петра Великого проявлялась не только в семейной жизни. Другим ее проявлением был постоянный отказ царя от принятия на себя формального командования армией и флотом. Всем известно активное личное участие Петра в войне со Швецией и Османской империи, но при этом, царь, почти постоянно присутствуя при армии, никогда не возлагал на себя обязанности главнокомандующего. На

Хотя послание, на первый взгляд, и предлагает царевичу выбор – нелицемерно обратиться или отречься от престола, именно отсутствие конкретики и заставляет нас вслед за Н.И. Костомаровым увидеть в нем прямой приказ об отречении. Повторяется история с разводом – царь предлагает наследнику «уйти по собственному желанию», чтобы со стороны все выглядело гладко и корректно – «непотребный сын», осознавая свое несовершенство, отказывается от престола, и государю ничего не остается, как провозгласить наследника, рожденного от новой супруги.

Впрочем, на сей раз у Петра была еще одна причина действовать окольным образом. Дело в том, что ставя вопрос о выборе наследника он, тем самым, выходил за пределы своих практически безграничных царских полномочий. Ведь одним из базовых принципов, обеспечивающих стабильность монархической системы, является отстранение людской воли, пусть даже воли самого самодержца, в вопрос выбора наследника. Безусловно, монарх мог сказать свое решающее слово в условиях династического кризиса, наличия неочевидного наследства, но полномочий лишить наследника престола у него не было. Далеко не всегда личные качества наследника устраивали правителя, но для решения этой проблемы был наработан целый арсенал средств – подбор толковых советников-опекунов, подготовка самого наследника и т.д. Но для Петра эти приемы не годились, ибо он думал не о благе государства, а благе своей второй семьи.

Что оставалось делать Алексею? Через четыре дня он отправил отцу следующее послание:

«Милостивый государь-батюшка!

Сего октября в 27 день 1715 году, по погребении жены моей, отданное мне от тебя, государя, вычел; на что иного донести не имею, только буде изволишь за мое непотребство меня наследия лишить короны Российской, буди по воле вашей. О чем и я вас, государя, всенижайшее прошу: понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен (без чего ничего невозможно делать) и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого как я. Того ради наследия (дай Боже вам многолетнее здравие!) Российского по вас (хотя бы и брата у меня не было, а ныне, слава Богу, брат у меня есть, которому дай Боже здравие) не претендую и впредь претендовать не буду, в чем Бога свидетелем полагаю на душу мою, и ради истинного свидетельства, сие пишу своею рукою. Детей моих вручаю в волю вашу, себе же прошу до смерти пропитания. Сие все предав в ваше разсуждение и волю милостивую, всенижайший раб и сын Алексей»[29].

Ответ царевича показывает, что послание отца, он воспринял именно как приказ отказаться от наследства, который и исполнил. Поступить по-другому он не мог – оспорить решение царя о лишении сына наследства мог бы только Патриарх, но его в Русской Церкви в тот момент не было, и Петр уже задумал и вовсе ликвидировать этот пост.

Было и еще одно обстоятельство – перед тем как написать ответ, царевич посоветовался со своими ближайшими сотрудниками – князем Долгоруковым и Кикиным. Оба советовали покориться воле отца и оба же намекнули, что в глазах русского общества Алексей всегда будет оставаться законным наследником, и его шансы взойти на престол по-прежнему будут высокими.

Ответа на свое послание царевичу пришлось ждать несколько месяцев. Дело в том, что царь опасно заболел, и приближенные даже опасались трагического конца. Поведение самого наследника во время царской болезни было безупречным. Но многие из

суше этот пост занимали генералиссимус Шеин, генерал-фельдмаршалы Фон Круа, Огильви, Шереметьев. На море – генерал-адмирал Апраксин.

придворных и высших чинов государства настолько открыто выражали свои симпатии Алексею, что Меншиков и Екатерина перепугались не на шутку. В результате, едва оправившийся от болезни царь, написал сыну новое послание:

«Последнее напоминание еще.

оное ответствую: письмо твое на первое письмо мое я вычел, в котором только о наследстве воспоминаешь и кладешь на волю мою то, что всегда и без того у меня. А для чего того не изъявил ответу, как в моем письме? Ибо там о вольной негодности и неохоте к делу написано много более, нежели о слабости телесной, которую ты только одну воспоминаешь. Также что я за то столько недоволен тобою, то все тут пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Того ради рассуждаю, что не зело смотришь на отцово прещение. Что подвигло меня сие остатнее писать: ибо когда ныне не боишься, то как по мне станешь завет хранить? Что же приносишь клятву, тому верить не возможно для вышеписанного жестокосердия.К тому ж и Давидово слово: всяк человек ложь. Також хотя б и истинно хотел хранить, то возмогут тебя склонить и принудить большие бороды, которые ради тунеядства своего ныне не во авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому ж, чем воздаешь рождение отцу своему? Помогаешь ли в таких моих несносных печалех и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь. Того ради так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал. На что по получении сего дай немедленно ответ или на письме, или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою как с злодеем поступлю»[30].

Как мы видим, государя, а вернее тех, кто стоял за его спиной, весьма напугала та, поддержка, которую Алексей получил от общества во время болезни царя. Письменное отречение царевича от престола, мотивированное к тому же слабым здоровьем и проблемами с памятью легко могло быть взято назад – физическое состояние человека находится в воле Божией и немочь телесная и слабость памяти могут и пройти. Вот если бы Алексей отрекся, объявив причиной свою лень и неохоту к государственному правлению… Поэтому царь требует теперь от наследника не просто отречения от престола, но и отречения от мирской жизни вообще – пострижения в монахи. Дело в том, что, принимая монашеский постриг, человек добровольно отрекается и от всей свой прошлой мирской жизни, в том числе и от социального статуса и происхождения. Меняется даже имя. Человек фактически «умирает для мира. Помимо ужесточения условий отречения, Петр прибег и к прямым угрозам – поступить с царевичем «как со злодеем». Эта угроза хорошо показывает, в каком раздраженном состоянии пребывал царь. Современному читателю, представляющему монархию царством произвола, не видно в ней того, что наверняка заметили современники. Дело в том, что одно из основных миссий монарха является отправление правосудия. Вспомним формулировку, с которой древние славяне призывали на княжение легендарного Рюрика - *«В лето 6370 И изгнаша Варягов за море и не Даша им дани и почаша сами себе володети и не бу в них правды и вста род на род и быша усобицы в них и вовевати сами на ся почаша и рекоша поищем сами в себе князя иже бы володел нами и* ***рядил*** **(судил – А.М.)** ***по ряду по праву.»***[31].

В письме сыну Петр прибегает к угрозе, не предъявляя каких-либо обвинений. Сама формулировка «как со злодеем» позволяет предположить, что «злодеем» царевич не является, и, тем не менее, отец уже готов расправиться с сыном.

Ответ царевича был готов уже на следующий день:

«Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения».

Что стояло за этим решением Алексея? Он был весьма благочестив и набожен и мысли о монашестве, вполне возможно, посещали его и раньше. Вспомним, что царевича осуждали за пребывание в его компании попов и чернецов, Смерть супруги, неожиданный отцовский гнев, недовольство происходящим в стране вполне могли побудить царевича искать спасения (и в духовном, и в физическом смысле) за монастырскими стенами.

С другой стороны, в этом решении Алексея поддержали и его ближайшие советники, которые руководствовались не благочестивыми размышлениями, а политическим расчетом. Каким же? Во-первых, они полагали, что и под монашеским клобуком царевич сохранит свои права на престол. «Клобук не гвоздем к голове прибит» - говорил по этому поводу Александр Кикин. Историческим прецедентом для такого заявления могла послужить история Лжедмитрия I, который, признавая себя бывшим монахом Григорием Отрепьевым, указывал на вынужденость своего пострижения. Как мы помним, по началу, история, рассказанная самозванцам, не вызвала неприятия у русского общества.

Возможно, что сторонники Алексея имели в виду другой исторический пример – историю первого царя династии Романовых Михаила и его отца – патриарха Филарета. Как мы помним, одной из причин для недовольства Петром со стороны консервативной оппозиции была его церковная политика, в частности фактическое упразднение патриаршества. Возможно, Кикин и Долгоруков предполагали в случае пострижение Алексея возвести на престол его сына, царевича Петра, а его самого сделать предстоятелем русской Церкви, разрешив, таким образом, кризис в церковно-государственных отношениях.

Неожиданно в отношениях отца и сына произошла перемена к лучшему. Причиной этому стал наконец-то состоявшийся личный разговор царя и наследника. Впервые за год Петр и Алексей беседовали с глазу на глаз. Что побудило царя к прямому общению, которого до этого он столь тщательно избегал? Возможно, государь почувствовал, что в конфликте с наследником зашел слишком далеко и находится на грани необратимых шагов.

Так или иначе, после встречи напряженность в отношениях царя и наследника как будто исчезла. Петр дал Алексею срок в полгода для окончательного выбора, а по истечении этого срока не торопил с ответом. Казалось, конфликт исчерпан и остался в прошлом. Тем неожиданнее для Алексея было письмо отца из Копенгагена, в котором тот требовал от сына либо принять постриг, причем сделать это в ближайшее время, либо ехать к нему для участия в морской баталии.

Это письмо открывало царевичу возможность выехать за границу, которой он решил воспользоваться. Алексей и его сторонники хорошо понимали, что Меншиков и Екатерина, стоявшие за спиной царя, не остановятся, пока не вынудят отца расправиться с сыном. В России наследник постоянно находился под угрозой, а потому и возник план бегства царевича за границу, где он мог спокойно дождаться кончины отца и впоследствии вернуть себе престол.

Советники уже не раз предлагали Алексею найти убежище за границей. Так Александр Кикин предлагал царевичу не возвращаться еще в 1714 году, когда он ездил лечиться на минеральные воды Карлсбада. Однако, тогда конфликт царя и наследника еще не перешел в открытую фазу, и Алексей этим советом пренебрег.

Теперь же у него фактически не было выбора. Побег царевича был хорошо продуман и подготовлен. Предварительную работу проделал все тот же Кикин, а также российский резидент в Империи Авраам Веселовский. Да и сам царевич, провел достаточно много времени в Европе, чтобы не испытывать препятствий в передвижениях.

Заняв некоторые денежные средства, Алексей с небольшой свитой, инкогнито, под именем то подполковника Кохановского, то под именем польского кавалера Кременецкого, пересек территорию Речи Посполитой и Германии и 10 ноября 1716 года

благополучно прибыл в Вену. Где при посредничестве вице-канцлера графа Шёнборна обратился к императору с просьбой об убежище.

Документы, раскрывающие подробности пребывания царевича в Австрии и его переговоров с имперскими властями, сохранялись в венском архиве и были опубликованы русским историком Н.Г. Устряловым еще в 1859 году. Приведем подлинные слова, с которыми Алексей обратился к австрийскому дипломату:

«Я пришел сюда просить императора, моего шурина, о покровительстве, о спасении самой жизни моей. Меня хотят погубить, меня и детей моих хотят лишить престола.

Император должен спасти мою жизнь, обеспечить мои и детей моих права на престол. Отец хочет лишить меня и жизни, и короны. Я ни в чем пред ним не виноват, я ничего не сделал отцу моему. Согласен, я слабый человек, но так воспитал меня Меншиков. Здоровье мое с намерением расстроили пьянством. Теперь говорит мой отец, что я не гожусь ни для войны, ни для правления; у меня, однако ж, довольно ума, чтоб царствовать. Бог дает царства и назначает наследников престола, но меня хотят постричь и заключить в монастырь, чтобы лишить прав и жизни. Я не хочу в монастырь. Император должен спасти меня»[32].

Это обращение дает нам редкую возможность увидеть ситуацию глазами наследника. Отвечая на послания отца, он из чувства долга или из страха писал только то, что отец хотел бы прочесть, здесь же он полностью откровенен. Не имея возможности законным путем защитить свои законные права в России, царевич обращается к иностранному монарху, своему родственнику и союзнику своего отца. Сам факт такого обращения показывает, что «ретроград и любитель старины» Алексей вполне проникся европейскими традициями, допускавшими третейский суд в подобных вопросах.

Заслуживает внимание и аргументация царевича – он подчеркивает, что «ни в чем не виноват» перед отцом, а потому царь превышает свои полномочия, пытаясь лишить его престола, посягая на прерогативы Господа Бога.

Для Алексея не было секретом, кто является основными виновниками его злоключений:

«Я не виноват пред отцом; я всегда был ему послушен, ни во что не вмешивался. Впрочем, отец был ко мне добр, но с тех пор, как пошли у жены моей дети, все сделалось хуже, особенно, когда явилась новая царица и сама родила сына. Она и Меншиков постоянно вооружали против меня отца; оба они исполнены злости, не знают ни Бога, ни совести»[33].

Вопреки распространенным в популярной литературе версиям, царевич не интриговал против отца, и не просил у Императора войск, для похода на Россию. Он просил лишь убежища, причем на не очень большой срок – как раз в это время состояние здоровья Петра резко ухудшилось, и он отправился лечиться на воды в Спа.

Появление царевича в Вене поставило имперское правительство в весьма щекотливое положение. Вопреки распространенной в популярной и особенно художественной литературе версии, власти Священной Римской Империи увидели в российском беглеце не повод для вмешательства в русские дела, а лишнюю головную боль. Чтобы понять это, сделаем короткий экскурс в международную политику того времени.

К началу XVIII века наиболее мощными державами на Европейском континенте были Франция, Британия, Священная Римская империя (в просторечии именуемая просто – «Империя») и Голландия. Борьба гегемонию на континенте вылилась в кровопролитную Войну за испанское наследство, которую вели с одной стороны Франция и Испания, а с другой – Империя, Голландия и Великобритания. Боевые действия в Европе, Северной Америке, морях и океанах шли с переменным успехом с 1701 по 1714 год. И хотя Империя оказалась в числе победителей, значительно расширив свои владения в Европе, победа далась ей нелегко. Более того, не смирившаяся с утратой своих итальянских

владений Испания, готовилась к новой войне (она начнется в 1718 году и войдет в историю как Война четвертного альянса), что заставляло Империю, в свою очередь, готовиться к ответу на этот вызов.

В условиях постоянных войн с сильными противниками на западе, имперское правительство было заинтересовано в поддержании стабильности своих границ на востоке и юге. Фактором, игравшим важную роль в обеспечении этой стабильности, были хорошие отношения с Россией. Оба государства были союзниками по Священной Лиге – коалиции христианских государств, ведших войну против Оттоманской Турции. Хотя этот союз и не сохранился в юридической форме в дальнейшем, однако обе страны придерживались его «де-факто». Россия и Австрия согласованно не допустили избрания королем Речи Посполитой французского ставленника принца Конти, русские и имперские дипломаты совместно действовали в Стамбуле против происков Франции, Империя оказывала России военно-техническую помощь в ходе Северной войны. Необъявленный союз России с Империей был подкреплен и браком самого Алексея.

И теперь Имперское правительство оказалось в сложном положении – предоставление наследнику русского престола убежища означало неминуемый конфликт с Петром Алексеевичем, войска которого стояли в Германии. Отказать Алексею в убежище, означало сильно подорвать престиж венского двора, испортить отношения с будущим русским царем, а в случае примирения наследника с отцом, можно было испортить их и с нынешним. В общем, куда не кинь, всюду клин. Идеальной ситуацией для имперских властей было бы примирение отца с сыном при посредничестве императора или даже без такового. Тогда бы конфликт получал не политическую, а семейную окраску. Именно в этом направлении действовала австрийская дипломатия, и ее главным требованием было соблюдение приличий, чтобы не пострадал престиж империи. Поэтому имперское правительство, хотя и предоставило убежище Алексею, но, в то же время, не позволяло ему обмениваться письмами со своими сторонниками в России. В частности, в венских архивах осталось и послание, которое царевич предназначал Российскому сенату, и в котором объяснял причины своего поступка:

«*Превосходительнейшие господа сенаторы!*

Как вашей милости, так, чаю, и всему народу не без сумнения мое от Российских краев отлучение и пребывание по се время безысвестное, на что меня принудило от любезнейшего отечества отлучитися не что иное, только (как вам уже известно) всегдашнее мне безвинное озлобление и непорядок, а паче же, что было в начале прошлого года, едва было и в черную одежду не облекли меня нуждою без всякой (как вам всем известно) моей вины. Но всемилостивый Господь, молитвами всех оскорбляемых утешительницы Пресвятые Богородицы и всех святых избавил мя от сего и дал мне случай сохранити себя отлучением от любезного отечества (которого, аще бы не сей случай, никогда бы не хотел бы оставить), и ныне обретаюся благополучно и здорово под охранением некоторой высокой особы до времени, когда сохранивый мя Господь повелит возвратитися во отечество поки, при котором случае прошу не оставите меня забвенна, а я всегда есмь доброжелательный как вашей милости, так и всему отечеству до гроба моего.

Алексей.

P.S. Будет есть ведомости об мне [34]*(хотя память об мне людей загладить), что меня в живых нет, или ино что зло, не извольте верить: Богу хранящу и благодетелем моим, жив есмь и во благополучии обретаюся; того ради и сие писание посылаю, дабы отразить противное мнение обо мне».*

Отметим, что это послание царевич составлял самостоятельно, не имея возможности прибегнуть к помощи секретарей и советников. Это – единственный известный нам документ, в котором Алексей обращается к русскому обществу в лице его политической

элиты. Наследник апеллирует к общественному мнению, выставляет себя жертвой несправедливых гонений со стороны отца, и заявляет о своей полной невиновности. Выбор правительствующего сената в качества адресата послания показывает, что царевич прекрасно разбирался в сущности созданной его отцом политической системы – именно Сенат мог быть тем органом власти, который теоретически имел возможность вмешаться в вопрос о наследстве. Если бы письмо Алексея Петровича попало бы в Россию, то развитие событий могло бы пойти совсем по-другому.

Петр и его дипломаты достаточно быстро определили, куда мог направиться царевич, а через самое малое время русский офицер Александр Румянцев нашел крепость в Тироле, где имперские власти в строгом секрете содержали царевича. Кажется невероятным, что русский гвардейский офицер, впервые оказавшийся в Австрии, сумел столь быстро раскрыть охранявшийся на самом высоком уровне секрет Империи. Конечно, Александр Румянцев был незаурядным человеком, вряд ли бы такое сложное и деликатное поручение было доверено царем первому подвернувшемуся под руку преображенцу. Видимо, Александр Иванович успел себя зарекомендовать как человек, чья преданность монарху не вызывала ни малейших сомнений, а также успел себя должным образом проявить. Но скорее всего, имперские власти допустили намеренную утечку информации – в действиях царских дипломатов они видели выход из ситуации.

В ходе переговоров в Вене эмиссар русского царя Петр Андреевич Толстой понял, что имперское правительство не допустит какого-либо насилия в отношении царевича, но не будет препятствовать разрешению конфликта в царской семье мирным образом, и даже готово принять в этом разрешении участие в качестве посредника. От посредничества императора Петр отказался, но правила игры принял – его посланцы должны были обещать царевичу полное царское прощение, в случае возращения домой. Чтобы ни у Алексея, ни у императора не осталось сомнений, Толстой и Румянцев передали царевичу собственноручное послание царя, следующего содержания:

«*Мой сын!*

Понеже всем есть известно, какое ты непослушание и презрение воли моей делал, и ни от слов, ни от наказания не последовал наставлению моему, но наконец, обольстя меня и заклинаясь Богом при прощании со мною, потом что учинил? Ушел и отдался, яко изменник, под чужую протекцию, что не слыхано не точию междо наших детей, но ниже междо нарочитых подданных. Чем какую обиду и досаду отцу своему и стыд отечеству своему учинил.

Того ради посылаю ныне сие последнее к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чем тебе господин Толстой и Румянцов будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данною мне от Бога властию, проклинаю тебя вечно, а яко государь твой, за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцову, учинить, в чем Бог мне пожжет в моей истине. К тому помяни, что я не насильством тебе делал, а когда б захотел, то почто на твою волю полагаться? Чтоб хотел то б сделал»[35].

Судя по тексту, царь полагал, что читателем этого послания будет не только Алексей, но имперское правительство, а потому постарался несколькими штрихами набросать свою версию конфликта с сыном. Так, и первых строк письма мы узнаем, о неком неповиновении сына отцу, исправить которое не помогли ни слова, ни наказания (!). Упоминание, что поступок Алексея беспрецедентен не только для члена царской семьи, но и для подданного, опять же рассчитано на незнакомого с российской историей читателя.

Ключевыми словами, обращенными к самому Алексею, является обещание отца, и не просто обещание, а клятва именем Божиим, освободить сына от наказания и явить ему лучшую любовь. Царское слово в России было равно закону, и, таким образом, царевич получал гарантию неприкосновенности от отца.

К этому времени царевич уже понял истинные намерения имперских властей и не испытывал в их отношении иллюзий – отсидеться в безопасности до смерти Петра ему не удастся. Раз так, надо было довольствоваться достигнутым и, полагаясь на обещание отца, возвращаться в Россию.

4 октября 1717 года Алексей пишет отцу:

«Всемилостивейший государь-батюшка!

Письмо твое, государь, милостивейшее чрез господ Толстого и Румянцева получил, из котрого также изустного мне от них милостивое от тебя, государя, мне, всякие милости недостойному, в сем моем своевольном отъезде, будет я возвращуся, прощение; о чем со слезами благодаря и припадая к ногам милосердия вашего, слезно прошу о оставлении мне преступлений моих, мне, всяким казням достойному. И надеясь на милостивое обещание ваше, полагая себя в волю вашу и с присланными от тебя, государя, поеду из Неаполя на сид днях к тебе, государю, в Санктпитербурх.

Всенижайший и непотребный раб и недостойный называться сыном Алексей»[36].

Примечательно, что ни отец, ни сын в этих посланиях не затрагивали вопроса о престолонаследии, полагая, что его необходимо решать без иноземного посредничества.

В ноябре 1717 года, Алексей, посетив мощи святителя Николая в Бари, в сопровождении все тех же Толстого и Румянцева двинулся в обратный путь. Драма царя и наследника подходила к своему финалу.

Среди сторонников царевича в России известие о его возвращении вызвало недовольство и разочарование. В отличие от самого Алексея они не верили в царские обещания и ждали худшего, как для наследника, так и для себя. Не столь искушенные в политике представители простого народа и низового дворянства радовались возвращению царевича и приветствовали во время проезда по России. Один из иностранных дипломатов доносил своему правительству: «Во время проезда царевича народ кланялся ему и говорил: благослови, Господи, будущего государя нашего! Помещики, духовные, простой народ – все отзывались в то время с любовью о царевиче Алексее»[37].

3 февраля 1718 года в московском кремле, оцепленном для надежности верными царю войсками, имевшими при себе боевые патроны, в присутствии многочисленной знати и иностранных дипломатов, царевич получил из рук царя полное прощение, но тут же подписал торжественный акт, в котором отрекался от престола, так как чувствовал себя неспособным царствовать.

В ходе этой же церемонии, Алексей назвал царю имена некоторых своих сторонников, которые будто бы вынудили его пойти против отцовской воли. В ближайшее время, он дал обширные письменные показания. Это не вполне соответствовало букве полученных им в Империи обещания полного прощения без всяких условий, но должно было помочь царю сохранить лицо – поступок наследника объяснялся заговором неких злодеев.

Расправе, в первую очередь, подверглись ближайшие слуги царевича. Им ставили в вину то, что они, зная о его готовящемся побеге, не сообщили о нем «куда следует». Ближайших советников царевича – князя Долгорукова и Кикина также взяли под стражу, но их судьба оказалась различной. Кикин был подвергнут мучительной и жестокой смертной казни – четвертованию, Василий Долгоруков отделался лишением всех чинов и ссылкой – аристократия оказала на царя давление и не позволила ему казнить представителя знатного рода. Точно также не удалось привлечь к делу и других

представителей служилой знати. Слишком уж широк был круг сочувствующих «царевичеву делу».

В поле зрения тайной канцелярии Петра Толстого, проводившего это следствие, попала и первая супруга царя – Евдокия Лопухина, по-прежнему жившая в суздальском монастыре. Следствие не выявило ее причастности к побегу царевича, но открыло некоторые подробности жизни бывшей царицы, в частности ее любовную связь с капитаном Глебовым. Несмотря на то, что Петр расстался с Евдокией по собственному желанию более двадцати лет назад, его мужское самолюбие было глубоко уязвлено открывшимися фактами. Он предельно жестоко расправился и с самим Глебовым, и суздальским епископом Досифеем, постриженная государыня была переведена в куда более жесткие и суровые условия – из простой монахини она стала фактически узницей.

Казалось, дело сделано. Царевич публично отрекся от престола, его ближайшие сотрудники казнены, и никаких препятствий к наследованию трона детьми Петра от второго брака не осталось. Так полагали и иностранные дипломаты, сообщавшие в своих донесениях об окончании кризиса.

Но подлинные инициаторы «дела царевича» - Меншиков, Екатерина и узкий круг их клевретов, хорошо понимали, что на самом деле ничего не изменилось. Из числа многочисленных сторонников царевича среди аристократии к ответственности был привлечен лишь князь Василий Долгорукий, но и он подвергся весьма мягкому наказанию. По ряду внутри- и внешнеполитических соображений царь не рискнул привлекать к следствию представителей правящей элиты.

Тревожные сигналы поступали и снизу. Как мы помним, царевич пользовался популярностью среди простонародья и низового дворянства. И это расположение общества было не поверхностным. 2 марта 1718 года некий человек простого звания подал царю бумагу. Эта Бумага оказалась присяжным листом на верность царевичу Петру Петровичу, объявленному наследником престола, на которой стояла следующая надпись:

«*За неповинное отлучение и изгнание от всероссийского престола царского Богом хранимого государя наследника Алексея Петровича христианскою совестью и судом Божиим и пресвятым Евангелием не клянусь и на том животворящего креста Христова не целую и собственною своею рукою не подписуюсь; еще к тому и прилагаю малоизбранное от богословскоской книги Назианзина могущим вняти в свидетельство изрядное, хотя за то и царский гнев на мя произлиется, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой за истину аз раб Христов Иларион Докукин страдати готов. Аминь, аминь, аминь»*[38].

Илариона Докукина пытали и казнили, его желание «пострадать за имя Христово» исполнилось. Но его пример показал Петру и его окружению, что среди сторонников царевича есть люди отчаянные, готовые на смерть ради своего законного государя.

Не смотря на отречение Алексея, династические позиции царевича Петра Петровича были весьма непрочными. Даже после отстранения сводного брата от престола он не являлся единственным человеком, имеющим на него права. Партия сторонников Алексея могла сплотиться вокруг нового претендента, которым являлся его сын - царевич Петр Алексеевич. Будучи рожденным до отречения отца от престола, и в силу своего малого возраста защищенный от каких-либо обвинений в свой адрес, он куда более импонировал и аристократии, и русскому обществу в целом в качестве законного наследника престола. По смерти отца, Алексей мог формально сдержать свою клятву, но стать регентом при своем сыне.

Для Меншикова и Екатерины это означало одно – поражение в политической борьбе и справедливое возмездие. Поэтому для них пусть и отрекшийся, но живой и здравствующий Алексей по-прежнему был опасен и потому должен был быть уничтожен.

Ведущую роль в расправе над царевичем сыграл глава Тайной канцелярии Петр Андреевич Толстой – один из самых авантюрных, циничных, и жестоких деятелей эпохи Петра Великого. Спустя два века его прямой потомок, граф Лев Николаевич Толстой задумает написать роман о своем предке и начнет собирать исторические материалы. И такое в этих материалах отыщет, что откажется от первоначального замысла – больно непривлекательный образ получался.

Проблема противников Алексея заключалась в наличии царского прощения за все его вины. После возвращения в Россию царевич находился под строгим контролем и никакого повода для нового преследования дать не мог. Но Толстой быстро нашел возможность обойти это препятствие. Как уже упоминалось выше, после своего торжественного отречения в Кремле, царевич дал отцу письменные показания, назвав тех, кто «побудил его к побегу». Показания были даны в виде ответов на вопросы, составленные царем, которые предваряли следующие условия:

«Понеже вчерась прощение получил на том, дабы все обстоятельства донести своего побегу и прочаго тому подобного, а ежели что утаено будет, то лишен будешь живота.»

«А если что укроешь, а потом явно будет, на меня не пеняй: понеже вчерась пред всем народом объявлено, что сие пардон не в пардон»[39].

Этим условием царь несколько отступал от своего обещания о полном прощении без всяких условий. Но тогда, в Москве, это отступление не грозило непосредственно царевичу, а сейчас начальник тайной канцелярии увидел в нем возможность для расправы над Алексеем.

Закрытое было дело, началось снова и вошло в историю под названием «Петербургского розыска». Если прежде в Москве и Суздале царские следователи искали сторонников царевича, их связи, покровителей и т.д, то теперь розыск сосредоточился непосредственно на фигуре бывшего наследника. По своему характеру, следственное дело царевича Алексея сильно напоминает политические процессы в СССР в 30-е годы – в распоряжении следователей Петра Андреевича Толстого практически не попали изобличающие царевича и его сторонников письменные документы или другие материальные улики. Только признания, выбитые часто под пытками. Хотя в XVIII веке пытка считалась легальным и допустимым инструментом следствия, но ее применение было, как правило, довольно ограниченным – следствие уже тогда предпочитало опираться на материальные улики.

Так, например, в ходе расследования гибели царевича Дмитрия в далеком 1591 году боярин Василий Шуйский и его коллеги обошлись практически без пыток, но достаточно быстро и подробно восстановили картину событий. Следователи даже умудрились провести аналоги современных судебно-медицинской и материаловедческой экспертиз. По мнению специалистов, итоговый документ их работы во многом удовлетворяет даже современным нормам процессуального права.

Главной фигурой в следствии по делу Алексея стала его любовница крестьянка Ефросинья. Она вернулась в Россию значительно позже царевича (задержка была вызвана беременностью и родами) и сразу же была взята в оборот тайной канцелярией. Современные исследователи полагают, что т.н. «показания Ефросиньи» были в действительности составлены Петром Толстым. Опытный интриган, он хорошо знал, что должен прочесть царь, чтобы позабыть о своем обещании сыну. Ефросинья очень мало говорит о конкретных фактах «писал царевич письма и сенаторам, но каким не знает», но очень много – о высказываниях и настроениях Алексея. Т.е. о том, что практически невозможно проверить. Она сообщала, что царевич желал и ждал смерти отца, говорил о своих многочисленных сторонниках в России (но никого конкретно не называл), верил слухам о мятеже русских войск в свою пользу, писал с неясными целями австрийскому

императору и даже шведскому королю, ругал отцовские преобразования и мечтал об отмене многих из них, не забывая упомянуть и о судьбе любимого детища Петра – Санкт-Петербурга.

Ловушка сработала. Алексей, отвечая на опросные пункты отца, назвал конкретные имена и события, но естественным образом умолчал о своих мыслях и чаяниях. Толстой и внушаемый им Петр оценили это умолчание как утаивание и нераскаяние. Как пишет современный историк, ознакомившись с показаниями Ефросиньи, Петр увидел царевича «*не в образе любящего сына, а в образе человека, воспринимающего отца как личного врага, а его деятельность, то есть преобразовательные начинания, - как никому не нужную затею, с которой он тут же расстанется, как только займет трон»*[40].

Алексей был подвергнут домашнему аресту, а потом заключен в крепость и был вынужден отвечать на вопросы палачей под пытками. Следствие уцепилось за фразу из показаний Ефросиньи «отцу своему смерти желал» и стремилось вынудить из царевича признание в этом желании. Дело в том, что, согласно действовавшему тогда законодательству, злоумышление на жизнь государя являлось одним из тягчайших преступлений, за которое полагалась только смертная казнь[††]. Обвинение царевича в том, что он утаил от отца «злоумышление» на его жизнь позволяло привлечь его к суду, игнорируя царское прощение.

Насколько это обвинение было справедливым? Этот вопрос является важным, так как многие историки и публицисты трактуют сыноубийство Петра как вынужденное – дескать, Алексей и его сторонники составили заговор против государя, и как после этого его миловать?

Отметим, что ни показания самого Алексея, ни даже «изобличающие» его показания Ефросиньи не содержат упоминаний о какой-либо активности царевича с целью ускорить кончину отца. Наследник лишь мечтал об этой смерти, как об избавлении от источника неприятности в настоящем, и как о возможности для вступления на престол.

В показаниях духовника царевича о. Якова Игнатьева говориться о том, что Алексей говорил о своем желании отцовой смерти во время исповеди. Для следователей тайной канцелярии этого было достаточно, для подтверждения намерения царевича избавится от отца. Но если посмотреть на ситуацию непредвзято, то становится очевидно, что показания духовника фактически оправдывают Алексея. Любой православный знает, что во время таинства исповеди человек говорит о своих грешных помыслах, в которых раскаивается, и которые намерен отринуть от себя. Т.е. царевич не просто говорил своему отцу духовному о желании смерти отца (отметим, о желании смерти, но не о намерении совершить отцеубийство), а раскаивался в этом желании, поскольку оно несовместимо с выполнением заповеди «Почитай отца своего».

Таким образом, пресловутое желание смерти отцу было не злоумышлением на особу царствующего монарха, а лишь греховным помыслом, настрадавшейся от отцовской черствости души наследника.

Впрочем, Толстой и его люди на этом не остановились. Они обвинили царевича в намерении добиваться трона, опираясь на иноземные штыки, то есть в государственной измене. Это обвинение должно было лишить Алексея последних шансов на помилование. Петр прощал его как отец сына, а в этом случае могло быть прощено и злоумышление на жизнь отца, но как государь он не мог простить изменника. Обвинение в государственной

[††] Соборное уложение 1649 года в главе II «О государевой чести, и как его государьское здоровье оберегати» в первой же статье определяла смертную казнь за один только умысел против жизни и здоровья царя – «на царское величество злое дело мыслил и делать хотел – да повинен смерти будет». (см. Маньков А.Г. Улодение 1649 года – кодекс феодального права России. М., ГПИБ, 2003. с.207.)

измене, которая по Уложению 1649 года также каралась только смертью[‡‡], окончательно превращало конфликт государя и наследника из семейного дела в политическое.

Разумеется, никаких доказательств измены в распоряжении Петра Толстого и его следователей не было и быть не могло – имперские архивы для них были недоступны, а царевич, по свидетельству Ефросиньи, «подрал и сжег» все компрометирующие его бумаги. Однако, в распоряжении тайной канцелярии были опытные палачи – заплечных дел мастера – и разрешение царя пытать обвиняемого. Не выдержав пытки, Алексей сделал следующее признание:

«Ежели б до того дошло и цесарь бы начал то проводить в дело, как мне обещал, и вооруженной рукою доставить меня короны Российской, то б я тогда, не жалея ничего, доступал наследства, а именно, ежели бы цесарь за то пожелал бы войск Российских в помочь себе против какого-нибудь своего неприятеля, или бы пожелал великой суммы денег, то б я все по его воле учинил, также министрам его и генералам дал бы великие подарки. А войска его, которые бы мне он дал в помощь, чем бы доступать короны Российской, взял бы я на свое иждивение, и одним словом сказать, ничего бы не жалел, только чтобы в том свою волю»[41].

В этих признаниях наследника ложно все от первого до последнего слова. Доступные историкам австрийские архивы раскрывают до мельчайших подробностей истинное содержание переговоров царевича с имперским правительством. Никогда Император не обещал вооруженной силой посадить его на трон в России, и никогда Алексей не просил об этом.

Не мог царевич встречаться в Империи и с неким французским офицером, который будто бы обещал ему помощь шведских войск в борьбе за корону – а такое тоже пришло в голову следователям. Не мог хотя бы потому, что вероятность встретить в Империи французского офицера была столь же велика, как встретить немецкого офицера на улицах Москвы или Лондона в 1946 году.

Абсурдность этих обвинений не могли не понимать, ни опытный дипломат Толстой, ни сам царь, прекрасно разбиравшийся в хитросплетениях европейской политики. И, тем не менее, на основании этого оговора был составлен обвинительный акт, для будущего суда.

Как государь и как отец Петр имел все права и был обязан лично рассмотреть дело бывшего наследника и вынести ему приговор. Но царь, в очередной раз, уклонился от персональной ответственности и возложил ее на чужие плечи. По его замыслу судить царевича должны были сенаторы вместе с высшими чиновниками страны – тем самым, тем самым царь думал связать их круговой порукой и вынудить поддерживать своего наследника от второго брака. Петр не в первый раз прибегал к этому приему. В 1698 году царь заставил членов боярской думы лично принять участие в казнях мятежных стрельцов.

Желая снять с себя ответственность за нарушение обещания простить сына, царь обратился к высшим церковным иерархам с просьбой о совете, как поступить в такой ситуации. Впрочем, ответ святителей вряд ли порадовал Петра. По словам Н.И. Костомарова, духовенство отвечало хотя уклончиво, но замечательно мудро. Выписав разные места из св. Писания, свидетельствующие об обязанности детей повиноваться родителям, оно представляло на волю государя действовать по Ветхому или по Новому

[‡‡] Следователи стремились подвести реальные и мнимые действия царевича под статью 2 II-й главы Уложения, которая предуматривала наказание смертью и лишением чести и имущества за «сбор рати, переписку или инфе формы контактов с зарубежными правителями, оказание им иной помощи» с целью самому «государем быть» или передать русский престол иноземцу. (см. Маньков А.Г. Улодение 1649 года – кодекс феодального права России. М., ГПИБ, 2003. с.208 – 209).

завету; хочет руководствоваться Ветхим заветом – может наказать сына, хочет предпочесть учение Нового завета – может пощадить и простить его по образцу, указанному в притче о блудном сыне и в поступке Спасителя с женою-прелюбодейницею «Сердце царево в руце Божией есть; да изберет тую часть, аможе рука Божия преконяет!»[42]

24 июня 1718 года светский суд, состоящий из министров, сенаторов, высших военных и гражданских чинов в количестве 127 человек вынес решение:

«Единогласно и без всякого прекословия суд приговорил, что он царевич Алексей, за вышеобъявленные все вины свои и преступления главные против государя и отца своего, яко сын и подданный его величества, достоин смерти»[43].

В примечании суд оговорил, что царское прощение, данное сыну, не действительно, поскольку тот утаил от отца свой главный умысел – добиться трона любой ценой.

Впрочем, суд не взял на себя ответственность за жизнь члена царской семьи, а представил свой приговор на «милосердное рассмотрение самодержавного монарха». Как не пытался Петр уйти от личной ответственности в деле царевича, это ему не удалось.

У читателя не должно возникнуть иллюзии относительно того, что светский суд объективно и непредвзято рассмотрел дело царевича. Члены суда прекрасно знали, чего на самом деле хочет царь и послушно выполнили его волю.

Существует легенда, что среди высших государственных чинов России нашелся человек, для которого честь была дороже повиновения. Фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметьев отказался участвовать в судилище. Старый полководец, которому Петр был обязан большинством своих побед на полях сражений Северной войны, истинный создатель новой русской армии, отказался прибыть в столицу для вынесения приговора невиновному. В ответе на приказ царя были прописаны полные достоинства слова – «*я рожден служить своему государю, а не судить его кровь».*

По мнению историков, эти красивые и эффектные слова никогда не звучали в реальности. Прославленный фельдмаршал действительно отсутствовал в Петербурге в момент суда и, действительно, не подписывал смертного приговора Алексею. Но причиной этого была болезнь, не позволившая полководцу покинуть Москву. Именно о болезни писал Шереметьев Петру и Меншикову, прося в этих письмах, не искать других причин своего отсутствия.

Но так ли уж оторвана от реальности легенда? Биограф фельдмаршала А.И. Заозерский, автор единственной научной биографии полководца, отмечает, что Шереметьев искренне сочувствовал царевичу, и не раз выражал ему свои симпатии[44]. И болезнь не помешала Борису Петровичу встретиться со своим старым знакомым по Киеву – митрополитом Киевским Иосафом Кроковским которого под конвоем везли в Петербург по делу царевича. Святитель даже стал одним из свидетелей при подписании духовной фельдмаршала. Ясно одно – на суд Борис Петрович Шереметьев не поехал, а приказать доставить его силой царь не рискнул – слишком уж громким и неудобным получился бы скандал.

Петр так и не утвердил вынесенный судом приговор. Кстати, его вынесение не прекратило страданий несчастного узника – и 25 и 26 июня он снова был подвергнут пыткам. Каких еще показаний добивались от приговоренного к смерти палачи тайной канцелярии сказать сложно.

По официальной версии, пытки 26 июня царевич не пережил и умер после ее окончания. Есть и другие версии смерти Алексея. Согласно одной из них, узник был тайно убит по приказу отца, который не хотел публично проливать царскую кровь[§§]. Согласно

[§§] Наиболее известной версией убийства царевича по приказу отца, является так называемое «Письмо Румянцева». Авторство этого документа приписывают капитану Лейб-Гвардии Преображенского полка

другой, опасаясь того, что царь может помиловать сына, Толстой и Меншиков применили куда более жестокие истязания, по сравнению с обычно практиковавшимися в Тайной канцелярии, и, тем самым, убили не отличавшегося крепким здоровьем царевича.

На следующий день после смерти царевича, 27 июня, В Петербурге прошли пышные празднества, посвященные очередной годовщине Полтавской виктории, а через два дня, 29 го – пышно праздновались царские именины, отмеченные одним из развлечений Петра – спуском на воду военного корабля. «Все весело пили и пировали – сообщал в своем донесении в Вену, австрийский резидент при русском дворе, - ночью был сожжен на берегу фейерверк, и общее веселие продолжалось до двух часов заполночь»[45].

Это кровавый тиран Иван Грозный плакал над трупом нечаянно убитого им сына, каялся в своих грехах и отправился по монастырям замаливать их. Царь-преобразователь был чужд подобных мыслей. Он официально простился с сыном в день его похорон 30 июня. Вместе с государем в церемонии погребения участвовали высшие военные и придворные чины, дипломаты и множество народа, что уже два шли через Троицкую церковь, чтобы проститься со своим несостоявшемся повелителем.

Казалось, царь и его приближенные добились чего хотели. Но уже через год, скончался царевич Петр Петрович – единственный сын Петра от Екатерины, и перед российским государством высветились контуры приближающегося династического кризиса. Вот тут-то царю пришлось уже в серьез обратиться к делам наследства. И здесь Петр совершил одну из самых больших ошибок своего царствования. Утвержденный им 5 февраля 1722 года «Устав о наследии престола», формализовал наиболее архаичную и нежизнеспособную часть традиционного механизма передачи власти в России – личный выбор царствующего монарха. Отныне государь сам мог избирать себе наследника из числа своих родственников, кого сочтет более достойным.

Современный исследователь русского самодержавия А.Н. Боханов, так оценил значение этого документа:

«*Этот закон иначе как деспотическим назвать невозможно. Акт, вытекающий непосредственно из сложной династической ситуации, когда прямого наследника мужского пола у правителя не было, показал узость мышления первого императора. Стремясь во всех сферах жизни России ввести «регламенты», Петр в самом главном сегменте державного «устроения» утвердил принцип личной прихоти, или, проще говоря, произвола»*[46]

Петровский «тестамент» стал бомбой замедленного действия под зданием русской государственности, причем бомбой многоразового использования, неоднократно вызывавшей смуту в XVIII веке. Как мы уже отмечали выше, особенностью монархии как формы правления является предопределенность в вопросе выбора главы государства. Если же выбор царя осуществляется не Божиим соизволением, а человеческой волей (пусть даже волей самого монарха), то легитимность такого государя всегда будет под вопросом. Нет запретительного ответа на вопрос, почему выбрали того, а не этого. Почему он царь, а

Александру Румянцеву, который принимал деятельное участие в возвращении царевича на родину. Согласно этому письму, после получения им приговора светского суда, Петр вызвал к себе группу особо доверенных лиц, в том числе и Румянцева и приказал им той же ночью тайно убить Алексея, что и было ими исполнено. Впервые этот документ был опубликован в 1858 – 1859 годах и сразу же вызвал серьезные сомнения в своей подлинности. Исследователям трудно было поверить, что столь осторожный человек, как Румянцев (кстати, единственный из всех участников операции по выманиванию царевича в Россию не пострадавший при будущих царствованиях) всего через месяц после событий, доверил бумаге государственную тайну особой важности, т.е. фактически подписал себе смертный приговор. Наиболее подробно эта фальшивка разобрана в книге В.П. Козлова Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII-XIX веков. М., Аспект пресс, с.186

не вот он? И почему нельзя изменить выбор. Стоит ли удивляться, что ни один из государей, вступивших на трон по петровскому тестаменту, не сумел удержаться у власти. Все они пали жертвами дворцовых переворотов, прекратить которые смог только император Павел Петрович, да и то, ценой своей жизни…

По иронии судьбы, сам Петр воспользоваться своим тестаментом не успел. По его смерти большая часть государственной и политической элиты России видели на престоле законного наследника – сына царевича Алексея, царевича Петра Алексеевича. Такой поворот не устраивал убийц Алексея – Меншикова и Толстого, поэтому они, опираясь на гвардию, провели дворцовый переворот и в нарушение каких-либо законных оснований провозгласили государыней супругу царя Екатерину I. Высоко же поднялась бывшая прачка.

Заговор удался во многом потому, что сторонники Петра Алексеевича были слишком уверены в правоте своего дела и упустили ситуацию в столице из-под контроля. Однако, внешне признав произошедший переворот, они отнюдь не сложили оружия. Добившиеся успеха приближенные первого императора быстро перессорились между собой. Ловко играя на амбициях и непомерном честолюбии Меншикова, вожди аристократической партии использовали светлейшего, как орудие против его же союзников. В результате к моменту смерти Екатерины князь оказался, говоря современным языком, в политической изоляции и был вынужден пойти на союз с аристократической верхушкой сената и признать сына убитого им царевича своим государем. Дальнейшее было, что называется делом техники, и уже через два года бывший светлейший князь своими руками строил себе избу в далеком Березове[47].

Справедливость восторжествовала? Слишком рано взошел на престол юный Петр II, а на личность его наложило свой отпечаток вынужденное сиротство и не просто сиротство – одиночество. Волею судьбы у него почти не было родных – родственники матери были далеко за границей, родственников по отцовской линии – Лопухиных, - репрессировал коронованный дед. Царская семья смотрела на мальчика как на досадную помеху, напоминание о его отце и значит и тут он не встречал родственного тепла. Он мог бы озлобиться, как юный Иван Грозный, и не озлобился. Что удержало? Искренняя забота и любовь со стороны старшей сестры? Умное воспитание Остермана? Унаследованная от отца кротость? Но злым и жестоким юный Петр не стал. Страсть к развлечениям, прежде всего к охоте – это то, чем он заполнял пустоту вокруг себя, адреналин – чем не наркотик забвения? Увы, ослабленный таким образом жизни юный организм не выдержал противоборства с болезнью и того, кто должен был стать русским государем, не стало. С ним прервалась мужская линия потомков Михаила Романова на русском престоле….

Историки часто оправдывают жестокость Петра по отношению к сыну личными качествами наследника. Действительно, в портрете Алексея Петровича много довольно непривлекательных черт, (во многом обусловленных обстоятельствами его воспитания). Царевич был трусоват, не имел систематического образования, ленился, подобно отцу любил выпивку и т.д. Но при всем при этом, Алексей не был злым и жестоким человеком. Он был подвержен чужим влияниям, но и его отец временами превращался в марионетку в руках собственного окружения. Мировая история знает немало примеров разительной перемены характера монарха после прихода к власти. Кто мог распознать в хулигане и охотнике Карле XII будущего гениального полководца, «северную комету» Европы? Кто мог угадать в слабом, изнеженном принце, бежавшем от деспотичного и сурового отца за границу (!) будущего Фридриха Великого?

Впрочем, примеры благополучного разрешения конфликта отца и сына есть и в нашей, русской истории. Создатель единого русского государства Великий князь Московский и всея Руси Иван III, (тоже прозванный потомками Великим) как и Петр, был женат дважды. И первый брак его, молодого 12-тилетнего княжича, тоже был браком политическим – так

его отец, Великий князь Василий II Темный скрепил свой союз с Тверским княжеством[48]. Молодая княгиня умерла в 1467 оставив князю сына и наследника, княжича Ивана, прозванного Молодым. Он был верным и надежным помощником отца во всех его начинаниях. Не раз по воле державного родителя водил полки и правил присоединенным к Москве землями. Порой и спорил с отцом, отстаивая свою точку зрения. В 1490 году он умер, оставив на волю отца сына Дмитрия.

Сам же Иван III в 1472 женился вторично на племяннице последнего басилевса Византии Софье Палеолог. От этого брака рождались сыновья, и первым из них был названный по деду Василий. Иван III должен был решить сложный династический вопрос – кто имеет больше прав на престол – старший внук или второй сын? Ситуация осложнялась тем, что Иван Молодой был в свое время очень популярен в русском обществе, а вот Софью Палеолог в России не любили. Пока государь ломал голову над этой проблемой, в окружении княжича Василия созрел заговор, с целью возведения его на престол. В 1497 году заговор был раскрыт, заговорщики казнены, а Василий посажен на собственном дворе «за приставы». В 1498 году внук великого князя Дмитрии Иванович был торжественно объявлен наследником[49].

Но Иван III проявил подлинную мудрость и стал сразу решать судьбу сына-заговорщика, хотя имел все основания для расправы с ним. Вместо этого, он стал постепенно и под чутким контролем привлекать Василия к государственной деятельности. А в 1502 году перерешил вопрос о наследстве – Дмитрий был посажен в темницу, а Василий – объявлен наследником и соправителем отца.

В 1505 году Василий взошел на московский престол и вошел в историю под именем Великого князя Василия III. Он стал достойным продолжателем дела отца, строил города и водил полки, укрепил власть государей московских на Руси и расширил пределы отечества. И все это стало возможным благодаря подлинной государственной мудрости его отца, не спешившего разбрасываться таким «ресурсом» как сыновья.

История не дала Алексею Петровичу занять трон, принадлежавший ему по праву, и мы так и не узнаем, каким монархом он мог бы стать. Можно лишь развеять одно заблуждение, прочно укоренившееся в популярной и даже научной литературе – что при Алексее все начинания его отца пошли бы прахом. Об этом пишет даже такой расположенный к царевичу историки как Николай Костомаров. Который полагает, что оставив в живых сына, Петр должен был бы «*всю жизнь подвергаться опасности заговоров и восстаний и быть всегда уверенным, что после его смерти наступят смуты и потрясения, которые могут окончиться истреблением его детей, его сотрудников, разрушением того государственного здания, над созданием которого он трудился всю жизнь»*[50]. Но так ли это? Выше мы уже показали, что окружение царевича составляли отнюдь не только пресловутые «чернецы да попы» или «никчемные люди». Среди его ближайших сотрудников и сторонников мы видим весь цвет России начала XVIII века. Тех людей, которым, собственно, и его отец был обязан своим победам. Да, со слов Евфросинии мы знаем, что царевич хотел «*жить зиму в Москве, а лето в Ярославле. Петербург будет простым городом; кораблей держать не стану, войны ни с кем иметь не хочу»*[51]. *О*тметим, даже в этом навете речь не идет об отказе от выхода к морям или от Петербурга. Да, царевич не сделал бы град святого Петра своей столицей, но и уничтожать город он не собирался. Корабли? Можно ли поверить в намерение царевича отказаться от кораблестроения, когда мы знаем, что его ближайшим соратником был Александр Кикин. Человек, который и был подлинным создателем Петербургского адмиралтейства и русского балтийского флота? Что до войн, то слова Алексея выражали волю его народа, который устал от бесконечно затянувшейся Северной войны (становившейся все более похожей на печально известную Ливонскую войну Ивана

Грозного), и от агрессивной политики Петра, любившего затевать авантюры, вроде печально окончившегося Прутского похода. Страна ждала мира, и наследник понимал это.

Безусловно, Алексей отказался бы от наиболее радикальных реформ Петра вроде учреждения Синода и, скорее всего, восстановил бы Патриаршество в Русской Церкви. Возможны и несколько других такого рода уступок. Но изменить направление развития страны на модернизацию, направление, которое обозначилось еще в правление Алексея Михайловича, которое последовательно реализовывали его дети, начиная от Федора и заканчивая Петром, Алексей бы попросту не смог.

Но он смог бы залечить те раны, которые умышленно или случайно оставил в душе русской державы его отец. Именно Алексей с его развитым религиозным чувством, с его чувством национального, мог бы примирить традиционное развитие русского общества с модернизацией его отца. И может быть тогда, не пришлось бы «отцу русской истории» Н.М. Карамзину писать в начале XIX века следующие горькие слова:

«Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию — неверным или братьям? Т.е. кому бы она, по вероятности, долженствовала более противиться? При царе Михаиле или Феодоре вельможа российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр»[52].

Впрочем, история не знает сослагательного направления. Повторим еще раз - мы не знаем каким монархом мог стать Алексей Петрович и как бы изменилась история нашей страны, взойди он на престол. Мы можем лишь отметить развилку, когда семейная драма увела страну с одной дороги на другую.

И что же, спросит читатель, автор хочет навеки заклеймить первого императора России как злодея-сыноубийцу, лишить его титула «Великий» и замазать страницы, повествующие о его правлении в истории черной краской?

Конечно, нет. Царь Петр Алексеевич сделал для России столь много, что прозвище «Великий» полученное им от современников, осталось за ним в истории по праву. Память о полтавской виктории и строительстве флота, о завершении сложного и долгого процесса создания армии нового типа, который предшественники Петра на троне вели, да так и не довели до конца, о государе, который «сам ружьем солдатским правил, сам и пушки заряжал», а когда надо было, не гнушался и самой простой работой ради отечества, о строителе города, которому суждено было на два столетия стать столицей державы – из нашей истории никуда не денется.

Но помня о величии дел Петра и масштабе его личности, не надо забывать и о его ошибках, которые порой были не менее велики, чем достижения. И история царевича Алексея наглядное тому подтверждение. В ней проявились и основные пороки личности царя-преобразователя: стремление уйти от личной ответственности за решение «неудобных вопросов», податливость чужому влиянию, и способность ради личного, пожертвовать интересами государственными (для монархии династические интересы являются государственными). И главное, Петр на добрых сто лет разрушил идеал царской семьи, его вольная в этом отношении жизнь стала образцом для всех монархов XVIII века. Лишь правнук, Павел Петрович попытается это исправить.

И тут надо вспомнить евангельское – кто из нас без греха? Петр Алексеевич стал Великим не потому, что был «идеальным государем», а потому, что, будучи человеком слабым, сумел заставить себя быть сильным, будучи от природы трусоватым – умел преодолевать свой страх и показывать в критические моменты примеры мужества, будучи

необразованным – умел учиться всю жизнь при каждом удобном случае, будучи человеком, подверженным чуждым влияниям – умел это влияние преодолевать и объединять вокруг себя людей. История личности Петра – это история борьбы человека со своими слабостями и пороками, в которой были и победы, и поражения. Победам обязан он своему и своей державы величию, поражения – еще долго сказывались в нашей истории. Истинный Петр куда интереснее Петра мифического, а его история куда поучительнее, чем красивый миф. И семейная драма первого императора – это действительно драма, а не представление по античным мотивам.

[1] Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., Археографический центр, 1999, с.16.
[2] Богословский М.М. Петр I Материалы к биографии. М., Центрполиграф 2007. Т1 с.59
[3] Скрынников Р.Г. Борис Годунов, М., Наука, 1978, с. 16.

[4] Козляков В.Н. Михаил Федорович, М., Молодая гвардия, 2004, с.145 – 147.

[5] Там же, с. 149 - 151

[6] Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., Молодая гвардия, 2003, с.83 – 84.

[7] Там же с.592

[8] Богданов А.П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич М., Вече, 2009. с.208 – 211.

[9] Архив князя Ф.А. Куракина, СПБ, Русская старина, 1890, т1. с.55

[10] Там же

[11] Павленко Н.И. Царевич Алексей, М., Молодая гвардия, 2008, с. 12.

[12] Костомаров Н.И. Царевич Алексей Петрович. В кН. Исторические исследования и монографии. М.,Книга, 1989. с.127

[13] Павленко Н.И. Царевич Алексей М., Молодая Гвардия, с.15

[14] Там же

[15] Костомаров Н.И. История России в жизнеописании главнейших ее деятелей.

[16] Павленко Н.И. Царевич Алексей, М., Молодая гвардия, 2008, с. 17

[17] Там же с.21.

[18] Там же с. 41

[19] Там же с.47

[20] Павленко Н.И. Меншиков М., Молодая гвардия, 1999, с. 198 -199

[21] Там же.

[22] Нахапетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых М., Вече, 2007, с 39

[23] Павленко Н.И. Царевич Алексей, М., Молодая гвардия, 2008, с. 52

[24] Там же с.55

[25] Там же с 56.

[26] Там же с. 29.

[27] Павленко Н.И. Царевич Алексей, М., Молодая гвардия, 2008, с. 66-68
[28] Там же

[29] Там же с.69.

[30] Там же с.70

[31] Полное собрание русских летописей т2. с.14.

[32] Павленко Н.И. Царевич Алексей, М., Молодая гвардия, 2008, с. 83

[33] Там же

[34] Павленко Н.И. Царевич Алексей, М., Молодая гвардия, 2008, с. 105

[35] Там же. с 109

[36] Там же с.112

[37] Костомаров Н.И. Царевич Алексей Петрович. В кН. Исторические исследования и монографии. М.,Книга, 1989, с 156

[38] Там же с. 139

[39] Павленко Н.И. Царевич Алексей. М., молодая гвардия, 2008, с. 144 - 145

[40] Там же с 207.

[41] Там же с. 222

[42] Костомаров Н.И. Царевич Алексей Петрович. В кН. Исторические исследования и монографии. М.,Книга, 1989, с162

[43] Павленко Н.И. Царевич Алексей. М., молодая гвардия, 2008, с. 223

[44] Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметьев М., Наука, 1989, с.150 - 151

[45] Павленко Н.И. Царевич Алексей. М., молодая гвардия, 2008, с. 235

[46] Боханов А.Н. Самодержавие. М., Русское слово, 2002, с.248

[47] Писаренко К.А. Тайны дворцовых переворотов М., Вече, с.6 – 29 и далее.

[48] Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси, Новосибирск, Наука, 1991, с44.

[49] Там же с. 199

[50] Костомаров Н.И. Царевич Алексей Петрович. В кН. Исторические исследования и монографии. М.,Книга, 1989, с 165

[51] Там же с 160

[52] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. В кн. Карамзин Н.М. История государства Российского, Ростов-на-Дону, Феникс, 1997, с 484.

2022_03_03 45 МВТУ, ПОСВЯЩЕННАЯ 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО. ВЫСТУПАЮЩИЙ – ИСТОРИК АЛЕКСАНДР АЗИЗОВИЧ МУЗАФАРОВ

3 марта 2022 года на встрече историко-философского клуба "МВТУ" мы поговорили с историком Александром Музафаровым об императоре Петре Великом, которому в этом году исполняется 350 лет со дня рождения. Этот могучий человек сделал крайне много для становления в России обновленной и мощной государственности, что позволило не только противостоять давлению западных держав, стремящихся поглотить нашу Отчизну, но и сделать Россию передовой державой.

Во встрече приняли участие ведущие историки МГТУ: заведующий кафедрой истории (СГН-1) доктор исторических наук, профессор Виталий Юрьевич Захаров и доктор исторических наук, профессор кафедры Экономики и организации производства (ИБМ-2), руководитель и основатель Клуба инженерных предпринимателей МГТУ им. Н.Э. Баумана Кузьмичев Андрей Дмитриевич.

ССЫЛКА НА МАТЕРИАЛЫ ПО 45 ВСТРЕЧЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО КЛУБА «МВТУ», ПОСВЯЩЕННОЙ 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО. ВЫСТУПАЮЩИЙ – ИСТОРИК АЛЕКСАНДР АЗИЗОВИЧ МУЗАФАРОВ (03.03.2022)

Видеозапись встречи можно увидеть на нашем YouTube канале: https://youtu.be/L0kykqW2EYw